БИБЛІОТЕКА
Л.-ГВ. КЕКСГОЛЬМСКАГО
ПОЛКА.

КАКЪ ПОГИБЪ

5-й стрѣлковый полкъ

подъ Мукденомъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

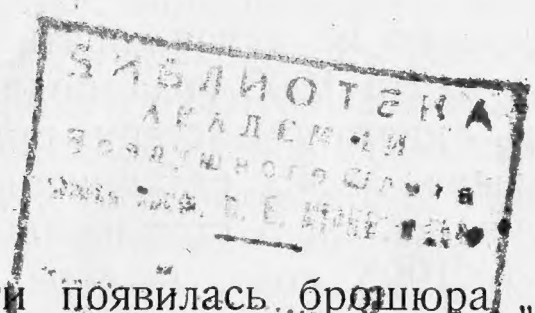
Полковника Циховича.

Цѣна **50** коп.

№ МАТЕРІАЛЬН. КНИГИ 243
№ СИСТЕМАТИЧ. КАТАЛОГА 5721/6

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Энергія“, Загородный 17.
1908.

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 22554 1968



Въ печати появилась брошюра „Гибель 5-го стрѣлковаго полка подъ Мукденомъ“ [1]), составленная офицерами 5 стрѣлковаго полка, участниками Мукденскихъ операцій (въ предисловіи названо 11 фамилій).

Потребовался почти годъ для появленія брошюры въ 47 страницъ. Любопытно было бы знать, что мѣшало 11 участникамъ сдѣлать это ранѣе. Фактъ гибели полка—явленіе на столько интересное, что разъ 11 участниковъ рѣшили обратиться къ общественному мнѣнію, то имъ слѣдовало это сдѣлать въ серединѣ 1906 года, т. е. тотчасъ по возвращеніи изъ плѣна.

Кто прочтетъ брошюру „Гибель 5 стрѣлковаго полка подъ Мукденомъ,“ тотъ легко убѣдится, что главнымъ сюжетомъ является не столько самый фактъ исчезновенія полка сколько моя особа, которой предъявляется главное обвиненіе, что я будто бы затронулъ честь полка, сообщивъ г. Краснову, какъ было дѣло, результатомъ чего появился разсказъ г. Краснова въ Лѣтописи войны № 55 и 56. Впрочемъ, въ этомъ довольно цинично сознаются сами авторы на стр. 45 брошюры.

---

[1]) Изданіе В. А. Березовскаго. Цѣна 40 к.

Нисколько не думая марать честь полка, я еще 1 марта 1905 года подалъ рапортъ генералъ - квартирмейстеру при Главнокомандующемъ № 45, гдѣ описалъ подробно, что случилось съ 5 стрѣлковымъ полкомъ. Въ іюнѣ 1905 года, по предложенію генералъ - маіора Эйхгольца, я представилъ послѣднему копію моего рапорта № 45, дополненную тѣми деталями, которыя я въ первомъ рапортѣ считалъ излишнимъ помѣщать. Наконецъ, въ іюлѣ 1905 г. то же свѣдѣніе о потерѣ знамени 5 стрѣлковаго полка собиралъ и военный слѣдователь 4-го Сибирскаго армейскаго корпуса по предложенію военнаго слѣдователя 2-го Своднаго стрѣлковаго корпуса, въ который входилъ тогда 5-й стрѣлковый полкъ. Въ послѣднемъ показаніи я подробно изложилъ, какъ было дѣло; подробно же объяснилъ причины происшествія, на сколько я ихъ помнилъ, и между этими причинами *малодушіе 5-го стрѣлковаго полка подполковника Кремснецкаго* играло далеко не первую роль, какъ можетъ убѣдиться всякій, кто прочтетъ мое показаніе. Скрывать во всемъ этомъ дѣлѣ что либо было излишне. Эпизодъ слишкомъ интересовалъ всѣхъ. Черезчуръ много разговоровъ объ немъ ходило, и, разумѣется, первые дни послѣ Мукденскаго сраженія многіе ко мнѣ обращались за разъясненіемъ. Я не думаю, чтобы кто либо изъ слышавшихъ меня могъ сказать, что своими пока-

заніями замаралъ честь полка. Во всѣхъ случаяхъ когда мнѣ приходилось разсказывать объ этомъ фактѣ нѣкоторымъ моимъ знакомымъ, я касался главнымъ образомъ не полка, а той кучки офицеровъ и нижнихъ чиновъ, которая на мой взглядъ въ самую критическую минуту потеряла присутствіе духа. Мнѣ казалось знаменательнымъ то настроеніе, господствовавшее въ минувшую войну, въ силу котораго сдача считалась вполнѣ естественнымъ явленіемъ въ извѣстномъ положеніи, а не позоромъ для военнаго человѣка. Полкъ я марать не могъ хотя бы уже потому, что въ ту минуту, какъ мы попали въ самую середину расположенія японцевъ, полка въ сущности не было, а была толпа, составленная изъ самыхъ разнообразныхъ частей.

И такъ, *честь полка не была мною замарана*, но, правда, *не осталась безъ пятна честь подполковника Кременецкаго*, не смотря на всю деликатность переданнаго моего разсказа г. Красновымъ. И вотъ, чтобы реабилитировать себя, подполковникъ Кременецкій принялъ, повидимому, доминирующее участіе въ изданіи брошюры, въ которой, какъ уже сказано выше, центральнымъ предметомъ является не столько гибель полка, сколько, во 1-хъ, моя личность, которую съ наслажденіемъ стараются растерзать 11 господъ участниковъ, во 2-хъ, геройство нѣкоторыхъ участниковъ (напр. Кре-

менецкаго, описанное на стр. 33 и Шаравскаго—на стр. 33).

Однако плохой путь выбрали Кременецкій и К° для своей реабилитаціи. Чего проще? Показанія, надо полагать, сняты со многихъ, и остается только ждать законнаго рѣшенія дѣла о потерѣ знамени и о томъ, какъ офицеры попали въ плѣнъ (прик. по В. В. 1906 г. № 68).

Несомнѣнно, подполковникъ Кременецкій также давалъ свои показанія. Казалось бы, нужно было лишь немного терпѣнія. Обратившись къ общественному мнѣнію, 11 участниковъ упустили изъ виду, что я буду, разумѣется, апелировать въ томъ же направленіи. Вѣдь не могу же я искаженіе фактовъ, выражаясь деликатно, оставить безъ возраженія. Если общественное мнѣніе повѣритъ брошюрѣ 11 участниковъ, то не будетъ основанія не вѣрить моимъ объясненіямъ, потому что, хотя, на одной сторонѣ цифра 11, а на другой 1, но 11 *сплочены* были, несомнѣнно, *однимъ чувствомъ, испытаннымъ утромъ 26-го февраля 1905 года, потомъ продолжительнымъ плѣномъ, а въ настоящее время имѣютъ одно стремленіе.*

Несомнѣнно, что съ 26 февраля 1905 года и до 1907 года 11 участниковъ *могли обдумать, какъ составить трудно уязвимую коалицію.*

И такъ, я обращаюсь къ той же силѣ

общественнаго мнѣнія. Пусть audiatur et altera pars.

Но раньше, еще нѣсколько словъ. Большое возмущеніе вызвалъ въ 11 участникахъ разсказъ г. Краснова въ „Лѣтописи войны" №№ 55 и 56. Видно, что, повидимому, 11 участниковъ полагаютъ, что я пошелъ къ г. Краснову разсказывать ему для литературы эпизодъ 26 февраля. Дѣло было гораздо проще. На Пасху 1905 года я былъ въ Гунчжулинѣ. Около станціи на 2-й или 3-й день праздниковъ, приблизительно подъ вечеръ, я встрѣтилъ г. Краснова. Будучи со мной знакомъ раньше, г. Красновъ, разговорившись, спросилъ меня, какъ было дѣло, такъ какъ онъ столько слышалъ объ этомъ эпизодѣ. Гуляя позади станціи, я ему разсказалъ все по порядку. По окончаніи онъ меня спросилъ, можетъ ли онъ воспользоваться этимъ разсказомъ для печати. Я отвѣтилъ, что ничего противъ этого не имѣю. Не могъ же я въ этомъ отказать. Выходило бы, что я разсказалъ басню, а фактически дѣло было совершенно иначе, и что я боюсь огласки. И такъ, разсказъ переданъ былъ случайно, не для рекламы, но съ другой стороны и безбоязненно. Если же я хотѣлъ бы себя рекламировать, я, несомнѣнно, обратился бы еще къ другимъ корреспондентамъ, а между тѣмъ я никакой попытки къ этому не сдѣлалъ, ибо за всю кампанію изъ всѣхъ корреспондентовъ

всѣхъ странъ я успѣлъ познакомиться съ однимъ г. Красновымъ. Несомнѣнно, служа при Главной квартирѣ, я имѣлъ возможность, если бы хотѣлъ, для своей рекламы, завести много знакомствъ съ корреспондентами разныхъ націй. Итакъ, упрекъ въ нескромности врядъ ли я заслуживаю.

Обратимся теперь къ фактамъ, которые я буду разбирать параллельно съ брошюрой 11 участниковъ, отмѣчая невольныя неточности и явную неправду. При этомъ постараюсь быть, выражаясь мягко, справедливѣе, чѣмъ 11 участниковъ, и не буду ихъ только чернить; наоборотъ, Кременецкому буду не разъ отдавать должное. Что же касается до полка, то какъ видно будетъ изъ разсказа, я ничего дурного про него не говорилъ, ибо полкъ велъ себя подъ Мукденомъ примѣрно, и не виноватъ, что силой какого-то злого рока былъ поставленъ въ безвыходное положеніе. Разсказъ о своей дѣятельности до 20 февраля, я упускаю какъ неимѣющій отношенія къ брошюрѣ 11 участниковъ.

Отмѣчу еще слѣдующее: въ рапортѣ № 45 я изложилъ главное, т. е. фактъ гибели отряда генерала Соллогуба, полагая, что начальству интересна была не моя личность и ея свойства, а сущность исчезновенія съ поля битвы двухъ полковъ,—теперь же по необходимости придется нѣсколько остановиться и на себѣ.

20-го февраля утромъ, я состоялъ начальникомъ штаба стратегическаго резерва Главнокомандующаго. Резервъ расположился западнѣе полотна желѣзной дороги противъ станціи. Начальникомъ резерва былъ сначала генералъ-лейтенантъ Топорнинъ, потомъ генералъ-маіоръ Домбровскій. Нѣсколько ранѣе Главнокомандующимъ мнѣ было объявлено, что меня предположено 21 февраля назначить начальникомъ отряда для прикрытія сѣвернаго направленія. А утромъ *21-го февраля*, я получилъ приказаніе принять подъ свою команду отрядъ изъ 5-го стрѣл. полка, которымъ временно командовалъ подполковникъ Кременецкій, изъ сводnаго полка 4-го Сибирскаго корпуса, одной батареи 35-й артиллерійской бригады и $^{3}/_{4}$ сотни амурцевъ.

11 участниковъ говорятъ (стр. 9), будто было приказаніе, чтобы въ отрядѣ не было ни одного полковника. Такого приказанія я не помню. Дѣло въ томъ, что въ отрядѣ и безъ того не было ни одного полковника, такъ какъ командиръ 5-го стрѣлковаго полка полковникъ Романовскій въ этотъ день былъ нездоровъ, и полкомъ командовалъ подполковникъ Кременецкій. Протестовалъ ли полковникъ Романовскій противъ моего назначенія (стр. 9), я, конечно не знаю. Достовѣрно лишь то, что на сборный пунктъ передъ принятіемъ мной отряда явился и полковникъ Романовскій, и въ

разговорѣ со мной въ присутствіи командира Сѣвскаго полка лично мнѣ заявилъ, что ему сегодня сильно нездоровится и, потому полкомъ командуетъ подполковникъ Кременецкій. Если бы онъ протестовалъ, то ничего не мѣшало ему объ этомъ мнѣ сказать въ деликатной формѣ. По крайней мѣрѣ, я лично, а думаю, очень и очень многіе, не примирились бы такъ легко съ фактомъ незаслуженнаго устраненія отъ командованія полкомъ, да еще въ военное время. Полковникъ же Романовскій былъ со мной на сборномъ пунктѣ любезенъ, досады у него я не видѣлъ, но, дѣйствительно, видъ у него былъ нездоровый. Да, наконецъ, и отданное приказаніе объ устраненіи въ угоду мнѣ отъ командованія полкомъ законнаго командира безъ всякой вины съ его стороны *въ корнѣ не выдерживаетъ критики.*

21-го февраля около 1—2 час. дня я принялъ отрядъ. 11 участниковъ пишутъ, что отрядъ былъ выстроенъ въ 8 час. утра и стоялъ до 11 час. утра въ ожиданіи новаго начальника (стр. 10 брошюры). Когда отрядъ былъ выстроенъ, мнѣ неизвѣстно, и во всякомъ случаѣ я не виноватъ, что отрядъ прождалъ меня 3 часа. Въ этотъ день съ утра я еще исполнялъ обязанности начальника штаба стратегическаго резерва при генералѣ Домбровскомъ записывалъ его распоряженія. Въ присутствіи коман-

дира Волынскаго полка генералъ Домбровскій продиктовалъ мнѣ организацію нашего резерва и я приводилъ въ извѣстность число штыковъ. Получивъ приказаніе около 1 часу дня принять отрядъ, я черезъ минутъ 15—20 сдалъ свои обязанности прибывшему капитану генеральнаго штаба Одинцову, и отправился къ отряду. Поздоровавшись съ отрядомъ, я вызвалъ впередъ офицеровъ, и объяснилъ имъ нашу задачу, потребовавъ, чтобы они все время разъясняли обстановку нижнимъ чинамъ. Мало того, предложилъ любому изъ нихъ обращаться ко мнѣ, когда угодно, если обстановка будетъ не понята кѣмъ бы то ни было изъ нихъ.

О позорѣ отступленія я говорилъ только въ томъ смыслѣ, что прошу всѣхъ знать, что отступленія, по моему приказанію, не будетъ и быть не можетъ, и если замѣчу со стороны кого либо произвольное оставленіе строя, то постараюсь пустить ему пулю въ лобъ. Основаніе это сказать я имѣлъ, ибо не разъ видѣлъ, какой свитой обыкновенно сопровождались носилки съ ранеными, какъ много нижнихъ чиновъ уклонялись отъ боя подъ разными предлогами.

Вотъ въ какой формѣ я говорилъ съ офицерами, а вовсе не началъ съ того, какъ это приписываютъ мнѣ на стр. 10 своей брошюры 11 участниковъ, будто вообще офицеры и солдаты недостаточно

стойки. Что же касается до словъ 11 участниковъ, что я сказалъ, что мнѣ дано право Главнокомандующимъ пустить пулю въ лобъ отступающимъ, то *въ нихъ нѣтъ никакого смысла.* Для того, чтобы пустить пулю въ лобъ трусу или неповинующемуся, разрѣшенія Главнокомандующаго не требуется, и умышленная перефразировка моихъ словъ 11 участниками ясно видна. *Злоба затуманила разсудокъ 11 участниковъ*, и, несмотря на годъ работы надъ своей брошюркой они съ первыхъ же почти шаговъ сказали *несообразность.* Затѣмъ я спросилъ, есть ли въ отрядѣ карты. Узнавъ, что нѣтъ. я сказалъ: „странно, а мы послали на дняхъ во всѣ арміи". Сказать, что передали 11 участниковъ на стр. 11, т. е. „Странно, а въ штабѣ армій ихъ сколько угодно", было также несообразно. Во 1-хъ, въ штабѣ „сколько угодно картъ быть не можетъ, ибо для ихъ храненія не хватило бы мѣста; а во 2-хъ, что въ штабѣ Главнокомандующаго есть карты, въ этомъ ничего страннаго нѣтъ, а совершенно въ порядкѣ вещей. И вотъ на протяженіи 10 и 11 стр. 11 участниковъ сказали, *можетъ быть сами не замѣтивъ, абсурдъ два раза*, т. е. *2 раза сказали неправду.*

Въ штабъ Главнокомандующаго я послалъ записку капитану Графу Игнатьеву, съ просьбой выслать 30 или 40 экземпляровъ карты, что и было исполнено. Со сво-

ими восклицаніями (стр. 11) „а между тѣмъ мы до сихъ поръ бродили съ завязанными глазами“ 11 участникамъ слѣдовало адресоваться не ко мнѣ.

По мнѣнію 11 участниковъ (стр. 11), впечатлѣніе, произведенное моимъ тономъ на офицеровъ, было не въ мою пользу. О впечатлѣніи судить не берусь. Офицеры молчали, какъ полагается въ тѣхъ случаяхъ, когда начальникъ говоритъ. Физіономистомъ себя не считаю, но знаю только, что въ личныхъ отношеніяхъ ко мнѣ я не видѣлъ недружелюбія, и съ самимъ подполковникомъ Кременецкимъ у насъ установились отличныя отношенія. Онъ на меня произвелъ прекрасное впечатлѣніе своей энергіей и распорядительностью. И вообще, до 25-го февраля включительно, у меня не было никакихъ недоразумѣній ни съ однимъ изъ офицеровъ или нижнихъ чиновъ и никому я не сказалъ ни одной рѣзкости. Пусть въ этомъ сознается каждый, у кого злоба не окончательно затмила остальныя чувства.

Въ ожиданіи картъ я объѣхалъ ряды и спрашивалъ на выборъ нижнихъ чиновъ, какая задача. Непонятное я заставлялъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ объяснять.

Первоначальная наша задача была двинуться къ д. Сантайцзы и, занявъ ее, оборонять рощу императорскихъ могилъ и подступы къ Мукдену съ сѣвера. Затѣмъ задача была 2 раза измѣнена. Первый разъ

приказано было итти къ Ташичао для активныхъ дѣйствій совмѣстно съ отрядомъ Запольскаго, а второй разъ— двинуться къ дер. Хоуха въ распоряженіе командующаго 2-й арміей. При этомъ оба раза я даже вытребованъ былъ въ Мукденъ къ Главнокомандующему.

Для объясненія перваго измѣненія я собралъ офицеровъ и снова объяснилъ имъ задачу, а второе измѣненіе я объяснилъ, для выигрыша времени, т. к. было уже 4 час. дня, только вр. командующимъ 5 стрѣл. и Свод. полками, приказавъ имъ объяснить задачу раньше командирамъ ротъ, а послѣднимъ на ходу до дер. Хоуха разъяснять нижнимъ чинамъ.

Около 5 час. вечера недалеко отъ дер. Хоуха меня встрѣтилъ генеральнаго штаба подполковникъ Товарищевъ, и передалъ мнѣ приказаніе Командующаго 2-й арміей: „отряду съ присоединеніемъ 10 стрѣлковаго полка стать у дер. Матюанза, занявъ укрѣпленія у этого пункта“.

Что мнѣ было приказано, то я и передалъ подполковнику Кременецкому, шедшему въ головѣ колонны. Больше я самъ ничего не зналъ, и слова брошюры (стр. 18) „едва мы туда (т. е. въ дер. Хоуха) прибыли и начали становиться бивакомъ, какъ было получено приказаніе Командующаго 2-й арміей передвинуться къ дер. Матюанза и стать затѣмъ бивакомъ тамъ“, и далѣе—

„такъ мы и не узнали, въ чемъ заключается нашъ маневръ“—очевидно, ко мнѣ отнесены быть не могутъ.

Доведя отрядъ до дер. Матканза и поставивъ его бивакомъ, я со вр. командующими полками и командирами батарей выѣхалъ впередъ къ дер. Матканза осмотрѣть укрѣпленія и распредѣлить позицію на участки. Назначивъ въ дежурную часть 1-й баталіонъ 5-го стрѣлковаго полка и оставивъ вмѣсто себя старшаго въ чинѣ подполковника Кременецкаго, я отправился въ дер. Хоуха въ штабъ 2-й арміи. Въ штабѣ арміи я узналъ, что я ближайшій резервъ 1-го Сибирскаго армейскаго корпуса, но въ полномъ распоряженіи командующаго 2-й арміей, безъ приказанія коего не имѣю права расходовать ни одного баталіона. Тутъ же въ штабѣ 2-й арміи (дер. Хоуха) я познакомился съ полковникомъ Мисевичемъ, командиромъ 10-го стрѣлковаго полка, которому я самъ доложилъ, что я, какъ младшій, считаю себя у него въ подчиненіи. Вмѣстѣ съ полковникомъ Мисевичемъ я отправился уже въ темнотѣ къ дер. Матканза, гдѣ увидѣлъ вр. командовавшихъ полками и объявилъ имъ то, что узналъ въ штабѣ 2-й арміи.

Въ темнотѣ же подтянулся къ дер. Матканза и 10 стрѣл. полкъ съ батареей.

Отношенія установились такія: фактически я былъ начальникомъ штаба пол-

ковника Мисевича, дѣлалъ его именемъ всѣ распоряженія, докладывалъ ему донесенія, но полковникъ Мисевичъ мнѣ заявилъ, что если 10 стрѣлк. полкъ будетъ выдѣленъ для какихъ либо цѣлей, то я снова становлюсь начальникомъ отряда изъ 5 стрѣл. и Своднаго полковъ, согласно первоначально отданныхъ распоряженій Главнокомандующаго.

Слова 11 участниковъ, приписанныя полковнику Мисевичу (стр. 13), будто Командующій 2-й арміей предоставилъ ему командованіе отрядомъ, но, исполняя волю Главнокомандующаго, онъ подчиняется мнѣ— неправда уже потому, что въ штабѣ 2-й арміи я первый представившись полковнику Мисевичу, доложилъ ему, что считаю себя его подчиненнымъ, а во 2-хъ, полковникъ Мисевичъ въ этотъ день и не думалъ уступать мнѣ командованіе, держа себя, какъ старшій чиномъ, съ полнымъ достоинствомъ. Между нами также не было и тѣни какого либо неудовольствія, и установились отличныя отношенія, что нѣсколько разъ высказывалъ полковникъ Мисевичъ. Однако въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ касался 5-го стрѣлковаго, Своднаго полковъ и батареи, т. е. частей, бывшихъ первоначально въ моемъ подчиненіи, онъ командировъ этихъ частей съ докладами направлялъ ко мнѣ. Разумѣется, онъ этого могъ не дѣлать, на его мѣстѣ я также этого

не дѣлалъ бы, объ этомъ я также не просилъ, но и ущерба дѣлу не было, ибо, помѣщаясь въ одной фанзѣ (полковникъ Мисевичъ, я, состоящій при мнѣ сотникъ 7-го Сибирскаго казачьяго полка Зиненко, и адъютантъ 10 стрѣл. полка) мы всѣ составляли одинъ штабъ при начальникѣ отряда полковникѣ Мисевичѣ, и всѣ были освѣдомлены въ положеніи дѣлъ.

Утромъ 22-го февраля полковникъ Мисевичъ со мной и командирами частей объѣхали раіонъ Матюанза, и намѣчено было, какъ занимать позицію у этой деревни. Затѣмъ полковникъ Мисевичъ и я стали на редутѣ между деревнями Матюанза-Нусинтунь, а на бивакѣ оставленъ былъ старшимъ подполковникъ Клеменецкій съ приказаніемъ сдѣлать отряду извѣстнымъ, гдѣ находится его начальникъ.

Изъ редута мы отправились съ полковникомъ Мисевичемъ въ штабъ 9-й Восточно-сибирской стрѣлковой дивизіи съ цѣлью лично переговорить о положеніи дѣлъ. Генерала Краузе (вр. командовавшаго этой дивизіей) съ его штабомъ во главѣ съ начальникомъ штаба полковникомъ Хитрово, мы застали въ одинокой кумирнѣ около д. Нисинтунь. Здѣсь генералу Краузе было доложено о положеніи нашего отряда и была осмотрѣна мѣстность въ направленіи къ дер. Юхуантунь. По возвращеніи на редутъ мы получили приказаніе о наступленіи на

дер. Юхантунь, переданное генеральнаго штаба капитаномъ Довборъ-Мусницкимъ, который, оказывается, долго насъ искалъ въ дер. Матюанза, и не могъ найти. Когда капитанъ Довборъ-Мусницкій высказалъ по этому поводу недоумѣніе, то ему было заявлено, что всѣ мѣры для связи были приняты, и не вина наша, что насъ онъ не могъ найти. Очевидно подполковникъ Кременецкій забылъ поставить у входа изъ деревни маяки, чтобы указывать мѣсто начальника отряда, которое легко было найти, такъ какъ на равнинѣ у дер. Матюанза редутъ, гдѣ былъ полковникъ Мисевичъ и я, былъ отчетливо виденъ.

Но только что полковникъ Мисевичъ со мной направился къ дер. Матюанза, какъ прискакалъ ординарецъ съ приказаніемъ генерала Топорнина [1]) явиться полковнику Мисевичу немедленно къ нему. Такимъ образомъ, первый разъ отрядъ выступилъ подъ моей командой. Объяснивъ задачу командирамъ частей, я повелъ отрядъ, но не успѣли мы дойти до дер. Нусинтунь, какъ послѣдовала отмѣна. Пропуская мимо себя отрядъ назадъ на бивакъ я, шутя, поздравилъ его, что японцы испугались нашего наступленія, и вотъ уже подмога не нужна.

Вскорѣ прибылъ полковникъ Мисевичъ, передавъ мнѣ, что ему пришлось ѣздить

---

[1]) Командира 16 арм. корпуса.

даже въ Мукденъ къ Главнокомандующему, такъ какъ у него вышли какія то недоразумѣнія въ штабѣ 16-го армейскаго корпуса. Послѣ этого мы (т. е. полковникъ Мисевичъ со мной) засѣли снова на томъ же редутѣ. Было 2—3 часа дня. Къ этому времени подъѣхавшій къ намъ ординарецъ доложилъ мнѣ, что Командующій 2-й арміей требуетъ къ себѣ карьеромъ начальника отряда подполковника Циховича. Полковникъ Мисевичъ какъ будто обидѣлся, но по моей просьбѣ поѣхалъ вмѣстѣ со мной. Когда я подскакалъ къ генералу Каульбарсу, то послѣдній, обращаясь исключительно ко мнѣ, сказалъ, что въ деревнѣ Ехуантунь опять осложненіе; что мнѣ слѣдуетъ немедленно атаковать эту деревню, а онъ поѣдетъ на высоту у д. Нусинтунь любоваться атакою. Отъѣхавъ отъ генерала Каульбарса, я немедленно обратился за указаніемъ къ полковнику Мисевичу, но послѣдній очень обидѣлся и слышать не хотѣлъ о командованіи отрядомъ. Видя, что мнѣ его не переубѣдить, я рѣшилъ, что, конечно, придется мнѣ приниматься за дѣло. Указавъ сборный пунктъ отряду, я вызвалъ офицеровъ для объясненія задачи по полкамъ для ускоренія ихъ сбора. Когда я подъѣхалъ къ группѣ офицеровъ 10-го стрѣлковаго полка, то полковникъ Мисевичъ скомандовалъ мнѣ „смирно“, чѣмъ поставилъ меня въ крайне неловкое положеніе. Этотъ

почтенный старикъ такъ былъ оскорбленъ, что, какъ видно, по отношенію къ офицерамъ по разсѣянности примѣнилъ команду, положенную для нижнихъ чиновъ „смирно“ вмѣсто „г.г. офицеры“. Много разъ извиняясь и безуспѣшно убѣждая его принять командованіе, я объяснилъ задачу и приказалъ отряду развернуться. Въ боевую часть были назначены 5-й стрѣл. и Сводный полки съ 2 батареями; въ резервѣ 10 стрѣл. полкъ. Отрядъ развернулся, но не успѣлъ даже попасть подъ огонь, какъ былъ остановленъ. Утвержденіе 11 участниковъ, что отрядъ обстрѣливали рѣдкимъ орудійнымъ огнемъ (стр. 14) не отвѣчаетъ истинѣ. Отрядъ въ сферу огня даже не попалъ, доказательствомъ чему является слѣдующій фактъ. Около 4 час. дня показался вдали на бѣломъ конѣ Главнокомандующій. Я подъѣхалъ съ докладомъ и сопровождалъ генерала Куропаткина до нашей цѣпи. Никакого огня не было и, зная изъ утреннихъ наблюденій, что еще нѣсколько далѣе, и падаютъ дальніе снаряды по каждой нашей двуколкѣ, ординарцамъ и всѣмъ видимымъ цѣлямъ, за которыми японцы, очевидно. дѣятельно слѣдили, я, опасаясь, какъ бы большая свита Главнокомандующаго, двигаясь въ раіонъ впереди стоящихъ другихъ отрядовъ, не попала подъ такой огонь, доложилъ объ этомъ Главнокомандующему, на что гене-

ралъ-адъютантъ Куропаткинъ сухо мнѣ замѣтилъ: „Поѣзжайте къ своему отряду“.

Впереди нашей цѣпи снаряды рвались не ближе $^1/_2$ вер. Спрашивается, зачѣмъ 11 участникамъ понадобилось вводить этотъ несуществовавшій для нашего отряда артилерійскій огонь. Неужели побужденіемъ было столь распространенное въ эту войну саморекламированіе, что де „я готовъ былъ животъ свой положить за Царя и Отечество“. Саморекламированіе, въ силу котораго и о пролетѣвшей мимо шимозѣ разсказывали съ дѣтской радостью и. за одну просвистѣвшую мимо уха пулю, готовы были себѣ требовать награду?

Вслѣдъ за Главнокомандующимъ прибылъ къ отряду генералъ Каульбарсъ и, обращаясь ко мнѣ, шутя, сказалъ: „Вашъ отрядъ такъ стройно развертывался, что японцы испугались и помощь д. Юхуантунь уже не нужна. Становите бивакомъ“.—Объѣзжая цѣпи, генералъ Каульбарсъ благодарилъ роты за ихъ маленькую работу. Я въ свою очередь объѣхалъ цѣпи, благодарилъ роты, объявляя, какъ утромъ, шутя, что японцы вторично сегодня насъ испугались. Помню, что физіономіи людей были веселыя, улыбающіяся.

По прибытіи къ дер. Матюанза на бивакъ полковникъ Мисевичъ пришелъ въ себя, и согласился вступить въ командованіе отрядомъ. Около 5—6 час. вечера того

же дня прибылъ въ отрядъ полковникъ Конради и принялъ командованіе дивизіономъ артиллеріи; вечеромъ 22 февраля я послалъ къ инспектору инженеровъ за кирками и большими лопатами, которыя были получены ночью съ 22 на 23 февраля.

Около 2 час. ночи на *23 февраля* получено было приказаніе штаба арміи: „отряду подъ командой полковника Мисевича двинуться къ дер. Тахэнтунь и занять у нея позицію".

По отряду были отданы слѣдующія распоряженія: Бывшему въ отрядѣ съ тремя взводами амурцевъ сотнику Левенштейну приказано было направиться для развѣдки треугольника Падязя-Паодаотунь-Сантайцзы. Онъ долженъ былъ связаться съ отрядомъ полка Запольскаго, пославъ ему для связи казаковъ, и съ отрядомъ генерала Мылова у дер. Вазье (въ то время объ отрядѣ генерала Лауница мы еще ничего не знали). Сотнику Левенштейну приказано было также осмотрѣть дорогу къ дер. Тахэнтунь и по пути оставить маяки для указанія ея отряду. Послано было донесеніе генералу Мылову и извѣщеніе полковнику Запольскому, что отрядъ около 7—8 час. утра будетъ у дер. Тахэнтунь. Сдѣлавъ эти распоряженія, полковникъ Мисевичъ приказалъ отрядъ поднять еще въ темнотѣ. Когда части выстроились, полковникъ Мисевичъ собралъ офицеровъ всѣхъ частей и объяснилъ имъ

задачу. Затѣмъ, въ 6 часовъ утра отрядъ двинулся, имѣя въ авангардѣ 5-й стрѣлковый полкъ съ батареей подъ командой подполковника Кременецкаго. (Замѣтимъ, что по моей просьбѣ всѣ, повидимому, болѣе отвѣтственныя задачи возлагались на 5-й стрѣл. полкъ, ибо я изъ всѣхъ штабъ офицеровъ отряда болѣе всѣхъ довѣрялъ подполковнику Кременецкому). Не доходя до дер. Тахэнтунь, я получилъ просьбу отъ полковника Запольскаго помочь ему. Верстахъ въ двухъ отъ насъ у дер. Падязя шелъ жаркій бой. Деревня Падязя была вся окутана облаками шрапнелей. Съ доклада полковнику Мисевичу, я послалъ баталіонъ Сводnаго полка, а самъ выѣхалъ къ авангарду, объѣхалъ деревню Тахэнтунь и намѣтилъ участки съ подполковникомъ Кременецкимъ. Не успѣли мы подтянуться, какъ полковникъ Мисевичъ вытребованъ былъ генераломъ Лауницемъ. Отрядъ, такимъ образомъ, развертывался по моимъ указаніямъ. Совмѣстно съ полковникомъ Конради (командиромъ дивизіона 35-й артиллерійской бригады) я намѣтилъ позиціи для батарей. Батареи были размѣщены по обѣ стороны дер. Тахэнтунь на укрытыхъ позиціяхъ поближе къ нашимъ цѣпямъ, чтобы дать возможность помочь огнемъ дер. Падязя 5 стрѣл. полку (7 ротъ) приказано было занять дер. Тахэнтунь, расположившись нѣсколько впереди ея, 10-й стрѣл. полкъ (5 ротъ)—запад-

нѣе дер. Тахэнтунь на высотѣ. Сводный полкъ въ резервѣ въ промоинахъ южнѣе д. Тахэнтунь, 2 роты въ прикрытіе артиллеріи, $^1/_2$ роты отправлено въ прикрытіе къ обозамъ.

Связь была установлена:

1) какъ выше сказано, отправленіемъ еще ночью съ 22 на 23 записокъ въ отрядъ генерала Мылова (Лауница) и полковника Запольскаго о движеніи отряда въ дер. Тахэнтунь, куда онъ прибудетъ около 7—8 час. утра;

2) командировкой амурскихъ казаковъ: 10—въ отрядъ генерала Лауница (Мылова) и 5 въ отрядъ полковника Запольскаго для присылки съ ними намъ извѣщеній;

3) расположеніемъ охотничьихъ командъ: 5 стрѣлковаго полка между нашимъ правымъ флангомъ и Императорскими могилами; 10 стрѣл. полка—между нашимъ лѣвымъ флангомъ и дер. Сяохэнтунь (Великолуцкій полкъ).

Всѣ мѣста были указаны лично мной и объяснено, гдѣ непріятель и гдѣ наши. Указавъ участки, я отправился детально осмотрѣть расположеніе, начиная съ 5 стрѣл. полка.

Тутъ, проѣзжая мимо роты прикрытія, я замѣтилъ, что одинъ ротный командиръ волновался до такой степени, что при отвѣтахъ у него была въ голосѣ дрожь и лицо было блѣдное. Желая его подбодрить, я къ нему обратился со словами: „у васъ такой

видъ, точно вы въ пріемной зубного врача", на что получилъ отвѣтъ, что онъ только недавно пріѣхалъ, и въ бою никогда не былъ. Впослѣдствіи я узналъ, что съ этимъ офицеромъ отъ нервнаго волненія случилась рвота, онъ былъ увезенъ на перевязочный пунктъ въ дер. Сяканцза и, кажется, вмѣстѣ съ этимъ пунктомъ взятъ въ плѣнъ.

Вскорѣ пріѣхалъ полковникъ Мисевичъ отъ генерала Лауница и передалъ мнѣ, что мы должны оборонять дер. Тахэнтунь, но въ наступленіе переходить не приказано, и что начальникъ отряда благодарилъ меня за ночное сообщеніе. (О движеніи нашего отряда къ дер. Тахэнтунь донесеніе подписано было мною). Доложивъ полковнику Мисевичу о размѣщеніи 5 стрѣл. полка, я съ нимъ поѣхалъ осмотрѣть лѣвый участокъ позиціи, и тутъ мы съ удивленіемъ увидѣли, что 10 стрѣл. полкъ развернулся перпендикулярно къ фронту. Исправивъ ошибку, полковникъ Мисевичъ мнѣ передалъ, что штабъ офицеръ, командовавшій полкомъ вмѣсто него, хотя и старше всѣхъ офицеровъ этого полка, но слабѣе всѣхъ, ибо долго просидѣлъ въ штабахъ адъютантомъ, и что полковнику Мисевичу непріятно, что онъ командуетъ полкомъ вмѣсто него.

Впослѣдствіи я узналъ, что было гораздо хуже: 10 стрѣл. полкъ не успѣлъ стать на мѣсто, какъ по приказанію того же штабъ офицера, далъ по дер. Сяохэнтунь, занятой

нами, нѣсколько дружныхъ залповъ, но, къ счастью во время былъ остановленъ прискакавшимъ изъ дер. Сяохэнтунь ординарцемъ. Объ этомъ случаѣ я узналъ уже впослѣдствіи отъ причисленнаго къ генеральному штабу (нынѣ генеральнаго штаба) капитана Ростовцева, бывшаго въ дер. Сяохэнтунь или въ ея раіонѣ.

Съ 9—10 часовъ утра дер. Тахэнтунь обстрѣливалась рѣдкимъ артиллерійскимъ огнемъ. Шимозы рвались у обѣихъ батарей, и разрывъ одной шимозы на лѣвой батареѣ подполковника Савича снятъ былъ фотографомъ, пріѣхавшимъ къ намъ съ художникомъ капитаномъ Бакмансономъ. Мѣсто начальника отряда было на возвышенности нѣсколько южнѣе деревни (шагахъ въ 300—400) съ хорошимъ обзоромъ во всѣ стороны.

Около 1 часу дня получено было свѣдѣніе отъ начальника штаба I Сибирскаго корпуса, что къ дер. Сахедза подтянуты 3 баталіона Болховскаго полка, въ видѣ резерва участка Тахэнтунь-Сяохэнтунь. Вскорѣ послѣ этого получено было свѣдѣніе о смерти полковника Запольскаго и просьба заступившаго его генеральнаго штаба капитана Баумгартена о немедленной поддержкѣ. Тогда приказано было командиру Болховскаго полка поддержать однимъ баталіономъ дер. Падяза, которая еще не очищалась, о чемъ послана записка капитану

Баумгартену. Но не успѣлъ этотъ баталіонъ дойти до середины разстоянія между Сахедза и Падяза, какъ изъ послѣдней стали выходить наши цѣпи. Почти въ ту же минуту ко мнѣ подошелъ офицеръ отъ этапнаго коменданта Мукдена, доложивъ, что онъ привелъ 28 офицеровъ для распредѣленія по частямъ отряда. Я собралъ ихъ всѣхъ къ себѣ, объяснилъ имъ обстановку, указавъ отступавшія цѣпи, въ которыхъ, по свѣдѣніямъ капитана Баумгартена, остались всего 2 офицера, и приказалъ двинуться впередъ, разобрать между собой людей и при помощи подходившаго баталіона Болховскаго полка снова занять Падяза. Свидѣтелемъ этой сцены былъ художникъ капитанъ Бакмансонъ. Въ отступавшія цѣпи посланъ былъ казакъ Амурскаго полка Федосѣевъ, остановить ихъ, сообщить о прибытіи офицеровъ и баталіона Болховцевъ, что и было лихо исполнено Федосѣевымъ. Въ баталіонъ Болховцевъ отправленъ былъ сотникъ Амурскаго пока Левенштейнъ объяснить обстановку и скорѣе двигать баталіонъ. Обо всемъ этомъ мною было послано донесеніе Главнокомандующему приблизительно такого содержанія, что я полагаю необходимымъ не оставлять дер. Падяза, и тотчасъ направляется баталіонъ для ея поддержки. Баталіонъ двинулся къ дер. Падяза; туда же вернулась и часть отступившихъ первоначально цѣпей. Все это за-

легло въ 300 шаг. отъ южной окраины д. Падяза.

Черезъ $^1/_2$ часа отъ Главнокомандующаго получено было приказаніе: „Никакихъ попытокъ къ обратному овладѣнію Падязой не дѣлать". Приказаніе объ отходѣ отъ Падязы передано тѣмъ же казакомъ Федосѣевымъ, и части отошли съ ничтожными потерями.

Итакъ, пассивность отряда 23 февраля не можетъ быть отнесена къ моей винѣ. Наоборотъ, намѣреніемъ двигаться впередъ я навлекъ на себя даже неудовольствіе Главнокомандующаго, который мою мысль впослѣдствіи назвалъ опрометчивой, очевидно считая, что силы наши были для этой задачи недостаточны.

Кстати оговорюсь, отправляя меня 20 февраля Главнокомандующій приказалъ мнѣ какъ можно чаще оріентировать его въ положеніи дѣлъ.

Нарисованная 11 участниками на стр. 17 картина, какъ къ нимъ ползли со всѣхъ сторонъ раненые—*одна фантазія*. Раненые ползти могли не „со всѣхъ сторонъ", а только со стороны Падяза, но и оттуда они не ползли, а или шли, или ихъ несли на носилкахъ, и ничего потрясающаго, какъ пишутъ 11 участниковъ на стр. 17 (строка 10-я сверху) въ этой картинѣ не было. Была обычная картина боя. Такая впечатлительность не дѣлаетъ чести 11 участникамъ,

и съ такими слабыми нервами лучше сидѣть дома, а не воевать. Во всякомъ случаѣ эта слабость нервовъ, какъ видно и сказалась утромъ 26 февраля, о чемъ впрочемъ рѣчь впереди.

Около 3 час. дня 23 февраля прибылъ въ отрядъ новый начальникъ отряда генералъ Соллогубъ съ начальникомъ штаба полковникомъ Максимовскимъ [1]), и предъявилъ предписаніе вступить въ командованіе отрядами полковниковъ Мисевича и Запольскаго.

Съ прибытіемъ новаго начальника, позиція у д. Тахэнтунь была раздѣлена на 2 участка.

1) правый: 5-й стрѣл. полкъ былъ порученъ мнѣ;

2) лѣвый: 10-й срѣл. полкъ, усиленный 4 ротами изъ резерва, полковнику Мисевичу;

3) артиллерія подъ командой полковника Конради и прикрытіемъ двухъ ротъ (10 стрѣл. и Барнаульскаго полковъ) составляла особый участокъ;

4) резервъ 1 $^1/_2$ роты.

23 Февраля генералъ Соллогубъ нѣсколько разъ обходилъ расположеніе частей, дѣлая свои указанія. Я тоже нѣсколько разъ

---

[1]) Съ ними были: Шт. Капитанъ Щербовичъ — Вечоръ, старшій адъютантъ управленія 3 стр. бригады, и поручикъ 10 стр. полка Бабятинскій, ординарецъ генерала Соллогуба.

обходилъ позицію, а ночью около 12 час. обошелъ съ командовавшимъ 1 баталіономъ 5 стрѣл. полка (еще разъ все расположеніе 5 стрѣл. полка) включительно до охотничьей команды этого полка, державшей связь вправо съ отрядомъ генерала Лауница. Надѣюсь, что если командовавшій 1 баталіономъ 5 стрѣл. полка Капитанъ и поручикъ Чурсинъ живы, они не откажутся подтвердить, что я у поручика Чурсина былъ, съ нимъ говорилъ, разспрашивая, что онъ знаетъ о непріятелѣ, и предложилъ ему подкрасться ночью къ японцамъ и произвести у нихъ тревогу. Въ тотъ же день послѣ паденія Падяза наша артиллерія перемѣнила позиціи по-орудійно нѣсколько назадъ (южнѣе дер. Тахэнтунь).

23 Февраля кромѣ рѣдкаго безвреднаго артиллерійскаго огня позиція другому огню не подвергалась.

Вечеромъ 23 февраля со стрѣлковой позиціи 5 стрѣл. полка я съ офицерами наблюдалъ, какъ впереди насъ (къ сторонѣ дер. Паодаотунь) тянулась вереница японскихъ вьючныхъ лошадей съ запада на востокъ. Объ этомъ я послалъ донесеніе въ штабъ Главнокомандующаго и въ штабъ сѣвернаго отряда.

Ночью съ 23 на 24 февраля генералъ Соллогубъ, полковникъ Максимовскій, я и офицеры штаба провели въ кумирнѣ дер. Тахэнтунь.

За день 23 февраля полки окапывались. Рыть въ мерзломъ грунтѣ было невѣроятно трудно, не смотря на наличіе въ отрядѣ кирокъ и 24 февраля окопы едва достигли профили съ колѣна.

На ночь съ 23 на 24 февраля оврагъ перпендикулярный къ дер. Тахэнтунь былъ прегражденъ засѣкой. Впереди фронта, особенно передъ секретами, по предложенію подполковника Кременецкаго или кого то другого изъ офицеровъ 5 стрѣл. полка, были разбросаны пустыя банки консервовъ.

Тщательно была разсмотрѣна мѣстность впереди артиллеріи, чтобы на случай стрѣльбы шрапнелью, поставленной на картечь, не пострадала своя пѣхота. Командирамъ батарей были указаны въ темнотѣ крайнія направленія выстрѣловъ.

24 февраля съ утра я обошелъ цѣпь своего участка. Огня не было. Генералъ Соллогубъ и полковникъ Максимовскій переѣхали въ дер. Лодяфынь, гдѣ было выбрано мѣсто для штаба отряда. Въ этой же деревнѣ полковникъ Конради (командиръ дивизіона) установилъ свою подзорную трубу и велъ стрѣльбу дивизіономъ. Бывшій съ утра вѣтеръ все крѣпчалъ, и около 11 часовъ утра поднялся ураганъ съ тучами песку, такъ что на 200—300 шаговъ ничего видѣть нельзя было.

Поэтому, были заложены секреты, выставлены мѣстами посты. Позиція обстрѣ-

БИБЛИОТЕКА
ПОЛКА

ливалась рѣдкимъ артиллерійскимъ огнемъ. Наша артиллерія обстрѣливала площадь Тахэнтуть-Лаодаотунь-Падяза. Во время песчаной бури къ дер. Тахэнтунь подъѣхалъ полковникъ Романовскій (командиръ 5-го стрѣл. полка) засталъ меня, когда я обходилъ позицію, и сказалъ мнѣ, что онъ здоровъ, въ командованіе полкомъ желаетъ вступить, но что генералъ Соллогубъ на это не согласился безъ разрѣшенія начальника сѣвернаго отряда, вслѣдствіе чего полковникъ Романовскій ѣдетъ къ генералу Лауницу. Дѣйствительно, вернувшись отъ генерала Лауница, полковникъ Романовскій объявилъ мнѣ, что ему приказано вступить въ командованіе 5 стрѣл. полкомъ. Такъ какъ полкъ этотъ входилъ въ составъ праваго участка, то, разумѣется, старшій въ чинѣ становился и начальникомъ участка, и мнѣ приказано было, сдавъ правый боевой участокъ, отправиться къ штабу отряда въ дер. Лодяфынь въ распоряженіе генерала Соллогуба.

Утвержденіе 11 участниковъ на стр. 18. что только 24 февраля съ прибытіемъ полковника Романовскаго, командира 5 стрѣл. полка, они узнали, кто справа, кто слѣва, не отвѣчаетъ истинѣ. 23 Февраля и я и генералъ Соллогубъ нѣсколько разъ видѣли подполковника Кременецкаго, отношенія у насъ съ нимъ были вовсе не такія официальныя, чтобы онъ не посмѣлъ спро-

сить, кто сосѣди. И если допустить, что я дѣйствительно не объяснилъ обстановки, то не меньшая вина Кременецкаго, что онъ у меня объ этомъ не спросилъ. Другими словами, *не замѣтивъ*, Кременецкій и К° *еще разъ сказали несообразность.*

Замѣчаніе 11 участниковъ на стр. 23, что генералъ Соллогубъ и подполковникъ Циховичъ съ утра 24 Февраля въ дер. Тахэнтунь не было, невѣрно, ибо съ утра 24 февраля я былъ начальникомъ праваго участка, два раза его обошелъ и здоровался съ людьми. Я думаю, что у кого изъ бывшихъ участниковъ этого дѣла умъ работаетъ хладнокровно, а не подъ вліяніемъ постороннихъ побужденій, тотъ подтвердитъ это. Съ утра 24 Февраля съ генераломъ Соллогубомъ въ дер. Лодяфынь уѣхалъ полковникъ Максимовскій, и долженъ былъ сдѣлать это, ибо онъ былъ еще начальникомъ штаба отряда. Наконецъ, дер. Лодяфынь была почти на одной линіи съ дер. Тахэнтунь, какъ видно по картѣ, и во всякомъ случаѣ, на такомъ небольшомъ разстояніи уступомъ за правымъ франгомъ, что при современномъ огнѣ такое разстояніе (200 — 300 саж.) не имѣетъ никакого значенія, поэтому я не вижу причины, почему болѣе доблестно было сидѣть въ дер. Тахэнтунь, чѣмъ въ дер. Лодяфынь.

Съ 3—4 час. дня 24 февраля началась канонада позицій у дер. Тахэнтунь рѣдкимъ

артиллерійскимъ огнемъ и усилилась послѣ 4 час. дня. Отрядъ приготовился къ встрѣчѣ атаки. Генералъ Соллогубъ, полковникъ Максимовскій, я и чины штаба находились на обширномъ дворѣ одной изъ фанзъ дер. Лодяфынь.

Въ 4—5 час. дня къ намъ пріѣхалъ изъ штаба Сѣвернаго отряда генеральнаго штаба подполковникъ Агапѣевъ, который передалъ намъ, что Главнокомандующій собралъ около 40 баталіоновъ у дер. Тава и этими силами намѣренъ отбросить все, что обошло насъ съ сѣвера. Сѣверному же отряду приказано сохранять оборонительное положеніе. Дѣйствительно, къ сѣверо-востоку отъ дер. Лодяфынь мы слышали жаркую канонаду. Въ виду такихъ извѣстій настроеніе было бодрое.

Предполагая возможность ночной атаки, генералъ Соллогубъ притянулъ къ себѣ 2 баталіона Болховского полка изъ дер. Сахедза, поставивъ одинъ въ резервъ у дер. Тахэнтунь, а вторымъ занялъ дер. Лодяфынь, которая до сихъ поръ пѣхотой не занималась. Это передвиженіе было исполнено, приблизительно, въ 6 час. вечера 24 февраля.

Около 6 час. вечера генералъ Соллогубъ рѣшилъ организовать оборону позицій такъ:

1) 1 баталіонъ Болховского полка занималъ дер. Лодяфынь.

2) 5 стрѣл. полкъ — дер. Тахэнтунь и промежутокъ между дер. Лодяфынь и Тахэнтунь.

3) 10 стрѣл. полкъ — высоту западнѣе дер. Тахэнтунь. Командованіе 5 и 10 стрѣл. полками объединяется въ рукахъ полковника Максимовскаго, который около 6 час. вечера 24 февраля и отправился въ дер. Тахэнтунь.

На случай ночного прорыва между д.д. Тахэнтунь и Лодяфынь полковникъ Максимовскій назначается комендантомъ дер. Тахэнтунь.

4) 16 орудій подъ прикрытіемъ 2 ротъ— за бугромъ 28 у дер. Сяканцза.

5) Резервъ—3 роты Болховского полка за дер. Тахэнтунь.

6) Перевязочный пунктъ сначала у дер. Саканцза, а затѣмъ вслѣдствіе сильнаго артиллерійскаго огня перемѣщенъ въ дер. Сахэдза.

7) Штабъ отряда въ дер. Лодяфынь. Я былъ назначенъ вмѣсто полковника Максимовскаго начальникомъ штаба отряда.

8) Связь съ императорскими могилами была установлена охотниками 5 стрѣл. полка подъ командой отличнаго офицера поручика Чурсина, который всѣ эти дни давалъ цѣнныя свѣдѣнія о передвиженіи непріятеля и раненъ 25 февраля.

9) Связь влѣво — съ 1 Сибирскимъ армейскимъ корпусомъ—охотниками 10 стрѣл. полка.

Уже въ сумеркахъ наша артиллерія мѣняла позицію, преслѣдуемая по пятамъ шимозами. Меня въ это время генералъ Соллогубъ послалъ къ артиллеріи передать приказаніе полковнику Конради о расположеніи отряда, что я и исполнилъ. Когда я говорилъ съ командирами дивизіона и батарей, надъ нами уже въ полной темнотѣ прошипѣло нѣсколько снарядовъ. Очевидно, японцы преслѣдовали огнемъ нашу артиллерію, мѣнявшую позицію (до такой степени у нихъ было хорошо организовано наблюденіе). Такой огонь по нашей позиціи продолжался до 9 час. вечера.

Около 10 час. вечера генералъ Соллогубъ со мной обошелъ нѣсколько разъ дер. Лодяфынь, давая указанія по ея укрѣпленію. Въ это время мы встрѣтили въ дер. военнаго инженера штабсъ-капитана Модрахъ, который былъ командированъ въ сѣверный отрядъ для указанія по укрѣпленію деревни.

Около 11 час. вечера получена была изъ штаба сѣвернаго отряда записка объ отходѣ обозовъ съ указаніемъ имъ дорогъ. Содержаніе ея было отправлено командирамъ частей. У каждаго невольно сжалось сердце, предчувствуя отступленіе.

Около 2—3 час. ночи со стороны сѣверной опушки императорской рощи послышалась ружейная трескотня, одинъ орудійный выстрѣлъ и смѣшанные крики, подвигавшіеся все болѣе къ югу, и появившіеся,

наконецъ, почти въ южномъ концѣ императорской рощи. По дер. Лодяфынь стали свистать и шлепаться пули съ сѣвера, востока и юго-востока. Генералъ Соллогубъ, я и сотникъ Зиненко обходили деревню. Пріятно было видѣтъ хладнокровіе генерала, который своимъ присутствіемъ духа подбодрялъ людей.

Съ трудомъ вѣрилось, чтобы роща была такъ легко и такъ скоро очищена. Съ разсвѣтомъ всѣ части нашего отряда выслали дозоры въ сторону рощи и стали приводить плѣнныхъ японцевъ.

Большинство японцевъ было ранено. Отъ каждаго изъ нихъ генералъ Соллогубъ отбиралъ бляшку съ названіемъ части и пряталъ ее въ свое пальто.

Долго мы не получали никакихъ извѣстій изъ отряда генерала Лауница о положеніи дѣлъ у рощи, но по развѣдкѣ дозоровъ можно было догадаться, что роща снова нами занята, но что одиночные японцы засѣли на южномъ концѣ рощи и обстрѣливаютъ всѣхъ, кто двигается вдоль южной окраины рощи, и что, самое главное, ограда могилъ, представляющая собой прочный редюитъ, и считавшаяся нами неприкосновенной, занята частью японцевъ.

Около 7 час. утра, я обошелъ наружную окраину дер. Лодяфынь. Около 9 час. утра для сбора свѣдѣній о положеніи дѣлъ я послалъ въ штабъ отряда генерала Лау-

ница сотника Зиненко, приказавъ ему ѣхать не черезъ рощу, а кругомъ нея. Около 10 час. утра сотникъ Зиненко вернулся, доложивъ, что генералъ Лауницъ со штабомъ остался преспокойно на прежнемъ мѣстѣ въ маленькой фанзѣ на сѣверной опушкѣ императорской рощи, имѣя въ тылу себя японцевъ, которые ночью сбили участокъ нашего боевого расположенія на сѣверной опушкѣ рощи, и на плечахъ отступавшихъ въ безпорядкѣ и почти въ паникѣ заняли зданія императорскихъ могилъ въ числѣ $1^1/_2$ роты. Сотникъ Зиненко мнѣ доложилъ, кромѣ того, что его обстрѣляли изъ рощи, когда онъ мимо проѣзжалъ, что онъ видѣлъ отходившія части къ сѣверу, но болѣе никакихъ свѣдѣній собрать не могъ.

Не знали мы, такимъ образомъ, ни о прорывѣ у Кіузана 24-го февраля, ни о томъ даже, что не только обозы отступаютъ, о чемъ мы получили приказаніе ночью, но что въ полномъ отступленіи въ эту минуту находились наши три арміи.

Съ 7—8 час. утра открылась жестокая канонада сначала по дер. Тахэнтунь, а около 11 час. утра и по дер. Лодяфынь.

Замѣтивъ у дер. Лодяфынь движеніе конныхъ ординарцевъ, японцы догадались, что въ этой деревнѣ штабъ отряда и сосредоточили по ней интенсивный огонь. Одна шимоза попала въ фанзу, въ одной комнатѣ которой сидѣлъ генералъ Солло-

губъ со штабомъ, а въ другой были собраны ординарцы, разорвалась въ комнатѣ ординарцевъ, не причинивъ никому вреда, но наполнивъ помѣщеніе удушливыми газами. Я тотчасъ приказалъ ординарцамъ очистить поскорѣе фанзу во избѣжаніе отравленія газами. Вторая шимоза зажгла крышу нашей же фанзы и послѣдняя запылала. Я думаю, что эти два случая помнитъ генералъ Соллогубъ, капитанъ Щербовичъ-Вечоръ и 10 стрѣл. полка поручикъ Бабятинскій (изъ послѣднихъ двухъ первый былъ старшимъ адъютантомъ управленія 3-й стрѣл. бригады, а второй, ординарцемъ генерала Соллогуба), а также сотникъ Зиненко. То и дѣло шрапнель посыпала горошкомъ нашъ дворъ. У порога фанзы протяжно стоналъ раненый плѣнный японецъ. Не желая потерять коня, я изъ дер. Лодяфынъ около полудня отправилъ его съ моимъ коннымъ вѣстовымъ, уральскимъ казакомъ къ обозу Главной квартиры, самъ оставшись пѣшкомъ.

Около 11 час. утра получено было приказаніе генерала Лауница:

„Отряду генерала Соллогуба держаться, пока арьергардъ Леша не поравняется съ линіей Сахэдза-Тахэнтунь, а затѣмъ двигаться на дер. Лодяфынъ черезъ рощу къ дер. Саканцза, гдѣ стать въ резервѣ генерала Некрасова“, а затѣмъ за подписью генералъ-лейтенанта Рузскаго аналогичное

приказаніе, но съ разъясненіемъ, что отходить тогда, когда „хвостъ колонны Леша“ поравняется съ указанной выше линіей деревень.

Объ этомъ послано было сообщеніе полковнику Лешъ и отправлены къ нему для связи три амурскихъ казака, съ которыми онъ долженъ былъ прислать намъ свѣдѣніе о своемъ проходѣ.

По полученіи этого приказанія генералъ Соллогубъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

1) Полковникъ Максимовскій очищаетъ позицію 5 и 10 стрѣл. полковъ, начиная съ резервовъ, постепенно частями, отводя боевыя цѣпи по-полуротно и задерживаясь на встрѣчающихся позиціяхъ.

2) Оставшіяся у дер. Сахэдза части Болховского полка присоединяются къ Лешу.

3) Самъ генералъ Соллогубъ ѣдетъ на бугоръ 28 руководить отходомъ батарей.

4) Я назначаюсь комендантомъ дер. Лодяфынь и ухожу съ баталіономъ Болховцевъ послѣднимъ, составляя арріергардъ.

5) Полковнику Максимовскому начинать отступленіе по особому приказанію.

Около 12 час. дня, генералъ Соллогубъ уѣхалъ изъ деревни Лодяфынь, и съ тѣхъ поръ я его уже не видѣлъ, получивъ еще отъ него записку, о которой будетъ сказано ниже.

Въ такомъ положеніи отрядъ простоялъ

часовъ до 2 $^1/_2$ дня. Д. д. Тахэнтунь и Лодяфынь отъ сильнаго огня горѣли.

Видя, что арріергардъ Леша не даетъ о себѣ знать, я послалъ амурскаго сотника Левенштейна, около 1 часу дня, состоять при Лешѣ и непремѣнно извѣстить меня, когда хвостъ арріергарда Леша пройдетъ дер. Сахэдза. Кромѣ того, около 1 ч. 30 м. дня, я послалъ въ Хоуха амурскаго казака узнать о положеніи дѣлъ. Послѣдній вернулся около 2 час. дня, запыхавшись, съ донесеніемъ, что тамъ уже японцы. Отъ Левенштейна никакихъ извѣстій. Около 2 час. 30 мин. дня была получена отъ генерала Лауница лаконическая записка (содержаніе привожу по памяти): «Весьма спѣшно, генералу Соллогубу. Съ полученіемъ сего отряду немедленно отходить на Лодяфынь — императорскую рощу Саканцза. Генералъ Лауницъ».

Эта записка мною была послана генералу Соллогубу на бугоръ 28, но отъ послѣдняго я получилъ аналогичную записку. Обѣ записки я отправилъ полковнику Максимовскому.

11 участниковъ пишутъ (стр. 23), что между моей запиской и началомъ отступленія прошло 2 час (запись помѣчена 2 час. дня, а получена 4 час. 20 мин. дня). Я не думаю, чтобы прошло такъ много времени между отправленіемъ и полученіемъ записки; послѣднія я посылалъ дубликатами и хорошо

знаю, что полковнику Максимовскому необходимо было время для распоряженія по своему отряду, и что моментально отрядъ не могъ начать сниматься.

Около 3 час. дня отрядъ сталъ сниматься. Въ это время положеніе было такое:

1) 5-й стрѣл. полкъ дрался фронтомъ къ сѣверу;

2) 10-й стрѣл. полкъ велъ перестрѣлку фронтомъ къ сѣверу и къ западу;

3) Лодяфынь—фронтомъ къ сѣверу, но обстрѣливалась также рѣдкимъ ружейнымъ огнемъ со стороны императорской рощи.

4) Вся позиція обстрѣливалась сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ.

5) Наша артиллерія молчала, ибо, какъ оказалось потомъ, по приказанію генерала Соллогуба, къ тому времени она уже отступила.

Какъ только цѣпи полковника Максимовскаго (отсупленіе началось съ лѣваго фланга 10 стрѣл. полкомъ) показались изъ Тахэнтуня, какъ вся площадь южнѣе деревни задымилась отъ шрапнелей и шимозъ, и эта минута вѣрно описана на стр. 24 у 11 участниковъ.

Головныя цѣпи взяли направленіе не на Лодяфынь и сѣверную половину императорской рощи, какъ это имъ было сказано, а на южную ея оконечность. Тщетно я посылалъ сообщить командиру шедшаго впе-

реди баталіона, что онъ взялъ невѣрное направленіе.

Видя, что впереди ѣдетъ верхомъ офицеръ 5 стрѣл. полка (одѣтъ былъ въ доху, фамиліи его не помню), я послалъ къ нему амурскаго казака съ указаніемъ, что направленіе невѣрно, (я думаю, что этотъ офицеръ, если онъ живъ, не откажется подтвердить, что амурскій казакъ его нагналъ съ этимъ указаніемъ).

Тѣмъ не менѣе боевой порядокъ продолжалъ двигаться на южную оконечность рощи, какъ оказалось потомъ, вслѣдствіе приказанія полковника Максимовскаго, опасавшагося вводить части, нѣсколько разстроенныя боемъ, а главное отступленіемъ подъ страшнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ, въ лѣсъ, занятый также непріятелемъ, хотя и ничтожными силами.

Выждавъ, пока отрядъ полковника Максимовскаго не отойдетъ на $^1/_2$ версты разстоянія, я приказалъ сниматься арріергарду. За арріергардомъ уже гнались японцы, обстрѣливая его пачками.

Я, сотникъ Зиненко и командиръ баталіона Болховцевъ шли пѣшкомъ послѣдними между японцами и нашими цѣпями. Я думаю, что оба они подтвердятъ правильность сказаннаго мной.

Оглядываясь назадъ, я увидѣлъ фигурки, поражавшія насъ съ колѣна пачками съ разстоянія постояннаго прицѣла. Пули то

и дѣло поднимали кругомъ насъ столбики пыли, но отходъ былъ относительно безъ большихъ потерь, во всякомъ случаѣ безъ такихъ потерь, которыхъ можно было ждать, судя по силѣ огня.

Отходя на южную опушку рощи (иначе я не могъ сдѣлать, разъ отрядъ туда потянулся), я видѣлъ что кругомъ пусто и тихо. Сообщеніе 11 участниковъ (стр. 25), будто гдѣ-то во время отступленія какой-то баталіонъ японцевъ давалъ имъ знаки положить оружіе, по моему, ни болѣе ни менѣе, какъ *фантазія, неизвѣстно зачѣмъ допущенная*. Любопытно было бы это провѣрить дознаніемъ. Никакого баталіона не было, и быть не могло, потому что тогда нашъ арріергардъ былъ бы окруженъ при отступленіи, а между тѣмъ не только арріергардъ не видѣлъ никакого баталіона, но даже ружейный огонь по насъ совершенно прекратился, когда мы подошли къ уступу надъ болотомъ у южной опушки рощи. Полагаю, что г.г. офицеры Болховского полка подтвердятъ, что въ эту минуту огня дѣйствительно не было, такъ какъ японцы, видя, что мы сами удлиняемъ свой путь, т. е. идемъ въ западню, очевидно, бросились въ рощу намъ на перерѣзъ, а потомъ (о чемъ я скажу ниже) открыли по насъ огонь. Видя, что преслѣдованіе прекратилось, я приказалъ двѣ роты Болховского полка сводить къ болотистой лощинѣ, а одну,

подъ командой не помню какого офицера, оставить въ тыльномъ отрядѣ. Въ рощу посланы были дозоры.

Черезъ болото мы прошли, никѣмъ не тревожимые.

Въ 1 вер. восточнѣе виднѣлись главныя силы нашего отряда на полянѣ южнѣе рощи. Повидимому, онѣ устраивались.

Отрядъ постепенно подтягивался къ главнымъ силамъ. Желая узнать обстановку, я сѣлъ временно на лошадь амурскаго казака Федосѣева и направился къ полковнику Максимовскому, съ которымъ мы обмѣнялись свѣдѣніями за день. Полковникъ Максимовскій мнѣ сообщилъ, что онъ приводитъ отрядъ въ порядокъ, генерала Соллогуба нѣтъ; что обстановка такая странная, что почти всѣ ушли, и мы остались одни, и что, поэтому, онъ возьметъ направленіе на востокъ черезъ желѣзную дорогу вмѣсто того, чтобы итти къ Саканцза. Затѣмъ колонна двинулась впередъ. Въ это время надъ ней разорвались двѣ шрапнели со стороны Хоуха, стали свистѣть пули со стороны д. Линпудза и раздался крикъ. „Кавалерія сзади“. Съ криками: „Кавалерія, мы пропали“ — все бросилось бѣжать. При дружныхъ усиліяхъ командировъ полковъ 5 и 10, полковника Максимовскаго и моемъ намъ удалось остановить смѣшавшуюся толпу. Нѣкоторые офицеры потерялись на столько, что не въ состояніи были управлять своими людьми. Двѣ

перемѣшавшіяся послѣднія роты, главнымъ образомъ 10-го стрѣлковаго и Болховскаго полковъ были задержаны мною, и я долженъ былъ офицерамъ, командовавшимъ ротами, лично указывать, когда остановиться, открыть залпы, когда сниматься. Первый залпъ сразу подѣйствовалъ успокоительно на людей. Но такъ какъ части были сильно потрясены нервно, то я лично долженъ былъ отводить обѣ роты по-очереди въ шахматномъ порядкѣ, останавливая ихъ каждыя 20-30 шаг. и лично подавая команду для стрѣльбы залпами, сначала по окраинѣ дер. Линпудза, откуда свистѣли пули, а затѣмъ и по опушкѣ императорской рощи, откуда также открытъ былъ по насъ ружейный огонь. Подъ вліяніемъ залповъ огонь противника сильно ослабѣлъ. Была ли дѣйствительно кавалерія у дер. Линпудза, трудно сказать. Офицеры тыла колонны и особенно сотникъ 7-го Сибирскаго казач. полка Зиненко, состоявшій при мнѣ и отдѣлившійся осмотрѣть д. Линпудза, утверждали, что кавалерія была въ числѣ $1^1/_2$– 2 эскадроновъ, что вполнѣ естественно, такъ какъ Мукденъ къ тому времени былъ занятъ, и, очевидно, непріятель долженъ былъ выслать свою конницу на развѣдку. Однако утверждаю, что если и была кавалерія, то самой атаки не было.

Утвержденіе 11 участниковъ на стр. 25, что угроза кавалерійской атаки была, когда колонна проходила болотистый ручей, не-

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ Н. К. КРУПСКОЙ

вѣрно, ибо паника произошла, когда колонна устраивалась *послѣ* прохода ручья и двигалась параллельно опушкѣ рощи къ дер. Саканцзя. Къ слову сказать, спасибо 11 участникамъ, что хоть упомянули они на стр. 25, что и я былъ въ числѣ офицеровъ, возстановившихъ порядокъ во время этой паники.

Перемѣнивъ, такимъ образомъ, позицію разъ 10 и видя, что арріергардъ у меня въ рукахъ и спокоенъ, я похвалилъ людей нѣсколько разъ и обѣщалъ ходатайствовать для нихъ о крестахъ, для чего приказалъ дать себѣ списокъ бывшихъ въ арріергардѣ. Этого списка я такъ и не получилъ вслѣдствіе послѣдовавшей затѣмъ катастрофы... Особенно отличался своимъ спокойствіемъ фельдфебель 10 стрѣлк. полка (фамилію забылъ): наоборотъ одного офицера, выказавшаго малодушіе, я удалилъ изъ строя. Пристыженный офицеръ вскорѣ попросилъ моего разрѣшенія стать въ строй, на что я и согласился. Очевидцемъ этой сцены былъ полковникъ Максимовскій у полотна желѣзной дороги.

Между тѣмъ главныя силы подвигались къ желѣзной дорогѣ. По пути встрѣчались солдаты самыхъ разнообразныхъ частей, шедшіе толпами и смѣшавшіеся съ колонной. Въ районѣ дер. Вазые голова колонны главныхъ силъ остановилась, такъ какъ переѣздъ былъ занятъ.

Въ это время надъ колонной стали рваться шрапнели со стороны Хоуха, и, кромѣ того, съ сѣверо-востока при рѣдкомъ посвистываніи пуль. Темнѣло. Стрѣльба орудійная съ сѣверо-востока окончательно сбила всѣхъ съ толку. Я самъ не понималъ, откуда она могла происходить. Тогда я отправилъ къ сторонѣ стрѣлявшей по насъ артиллеріи съ сѣверо-востока молодца амурскаго урядника Федосѣева узнать, въ чемъ дѣло. Когда колонна перешла полотно дороги, Федосѣевъ уже вернулся и доложилъ, что это стрѣляли свои (будто бы части 6 Сибирскаго корпуса).—

Относительно направленія движенія колонны произошло слѣдующее: послѣ минутной паники по поводу атаки кавалеріи я, имѣя въ виду первоначальное приказаніе колоннѣ итти въ Саканцза, не смотря на то, что полковникъ Максимовскій рѣшилъ двинуться къ востоку, послалъ амурскаго казака Войлошникова на высоту сѣвернѣе Саканцза, откуда слышалась ружейная стрѣльба, узнать, кѣмъ она занята. Вернувшійся казакъ доложилъ мнѣ, что тамъ свои. Тогда я его же послалъ въ голову колонны доложить полковнику Максимовскому, что слѣва свои и что я прошу голову колонны остановить. На это казакъ пріѣхалъ и доложилъ мнѣ, что полковникъ велѣли передать, что они Вамъ не подчинены и колонны не остановятъ. Такимъ образомъ,

колонна вмѣсто Саканцза пошла къ востоку черезъ желѣзную дорогу, какъ выше сказано. Самъ я не могъ отлучиться отъ арріергарда ни на минуту: въ это время я руководилъ его стрѣльбой; мой отъѣздъ возбужденные люди могли бы различно объяснить, а если бы дрогнулъ арріергардъ побѣжало бы все и безпорядокъ могъ бы передаться далеко въ стороны. Когда, перейдя желѣзную дорогу, колонна остановилась, я, находясь еще западнѣе полотна, попросилъ къ себѣ полковникаго Максимовскаго, извиняясь, что я его раньше хотѣлъ побезпокоить, и что онъ напрасно обидѣлся. Но тутъ выяснилось, что казакъ спуталъ начальниковъ, и мою просьбу остановиться передалъ не полковнику Максимовскому, а командиру 5 стрѣлковаго полка полковнику Романовскому, который, не справившись о причинахъ моей просьбы и не доложивъ объ этомъ ничего начальнику отряда полковнику Максимовскому, далъ такой рѣзкій отвѣтъ.

Во время остановки у полотна желѣзной дороги полковникъ Максимовскій сказалъ мнѣ, что онъ связался развѣдчиками-казаками съ мѣстомъ остановки частей 16 армейскаго корпуса, и просилъ для лучшаго выполненія связи и направленія колонны дать ему 7-го Сибирскаго казачьяго полка сотника Зиненко, отличнаго, толковаго офицера, исполнявшаго при мнѣ обязанности адъютанта

во время боевъ, на что я и согласался. Послѣднія слова полковника Максимовскаго были: „еще двѣ версты и мы соединимся съ 16 армейскимъ корпусомъ. Направленіе вѣрное. Не безпокойтесь". Съ тѣхъ поръ я не видѣлъ ни его, ни сотника Зиненко.

Между тѣмъ колонна, окруженная съ двухъ сторонъ цѣлыми толпами бѣглецовъ самыхъ разнообразныхъ частей, прерываемая въ движеніи массой обозовъ, медленно подвигалась въ темнотѣ, часто останавливаясь. Условія перехода колонны черезъ желѣзную дорогу описаны вѣрно у II участниковъ на стр. 26.

Я всѣми силами оберегалъ свой арріергардъ, успѣвшій сплотиться и составлявшій одинъ въ этой толпѣ, строевую часть. Даже при проходѣ мимо колодцевъ, измученные дневнымъ боемъ люди, не получивъ моего разрѣшенія пить во избѣжаніе безпорядка, безпрекословно повиновались.

Черезъ $^1/_2$ — 1 час. движенія колонна попала на гаоляновое поле, двигаясь цѣлиной черезъ канавы и, наконецъ, остановилась. Съ западной стороны горѣла деревня; съ сѣвера большое зарево и какой то гулъ голосовъ, съ востока темная полоса мѣстности; съ юго-востока рядъ заревъ, какъ бы отъ биваковъ. Такъ какъ колонна остановилась, я послалъ казака въ голову колонны попросить полковника Максимовскаго. Вернувшись, казакъ сообщилъ, что

полковника нѣтъ и никто не знаетъ гдѣ онъ.

Здѣсь кончается первая часть исторіи послѣдняго дня Мукденскихъ боевъ для отряда генерала Соллогуба. Результаты такіе:

1) Отрядъ отступилъ отъ дер. Тахэнтунь и Лодяфынь не иначе, какъ по приказанію, и въ то время, какъ кругомъ никого не было, т. е. всецѣло выполнилъ роль арріергарда.

2) Въ Саканцза отрядъ не попалъ, а свернулъ къ востоку черезъ желѣзную дорогу.

3) Начальникъ отряда и его штатный начальникъ штаба разновременно и въ разныхъ мѣстахъ пропали.

4) Потери въ 5 и 10 стрѣл. полкахъ были значительны, но духъ былъ бодрый. По пути меня солдаты спрашивали съ досадой: „Ваше Высокоблагородіе, долго ли мы будемъ отступать. Зачѣмъ отошли?“. Я ихъ старался успокоить, что еще настанетъ время, когда будемъ японца бить.

По бѣглымъ свѣдѣніямъ, командировъ полковъ потери въ обоихъ полкахъ были до 1000 человѣкъ, т. е. около $30^0/_0$.

5) Колонна остановилась среди поля около 9—10 час. вечера съ толпой бѣглецовъ, повидимому восточнѣе дер. Цаолиндза.

6) Гдѣ наша артиллерія, мы тогда не знали.

7) Отрядъ и я самъ не были оріентированы, какъ во время отступленія, такъ и потомъ, ни въ томъ, кѣмъ занятъ Мукденъ, ни тѣмъ болѣе въ томъ, что у Кіузана былъ прорывъ и что восточнѣе желѣзной дороги также могли быть японцы.

Продолжаю свой разсказъ. Такъ какъ никто не зналъ, гдѣ полковникъ Максимовскій, я пригласилъ къ себѣ командира головного полка полковника Романовскаго. Послѣдній сказалъ, что видѣлъ сначала полковника Максимовскаго, но затѣмъ ихъ раздѣлила толпа бѣглецовъ. Затѣмъ, по головѣ колонны открытъ былъ ружейный огонь. Бѣглецы съ дороги шарахнулись въ сторону, за ними двинулся полковникъ Романовскій, полагая, что полковникъ Максимовскій въ головѣ, а затѣмъ вся колонна, не зная, куда итти, остановилась.

Желая, во что бы то ни стало, очернить меня, 11 участниковъ говорятъ (стр. 28), что я будто бы кричалъ на полковника Романовскаго.

Утверждаю, что это неправда. Я выразилъ съ досадой удивленіе, какъ могъ затеряться начальникъ отряда до такой степени, что никто даже понятія не имѣлъ, гдѣ онъ, но и только. Полковникъ Романовскій также меня не останавливалъ, ибо было не за что. Онъ самъ, повидимому, былъ пораженъ случившимся.

Считать себя начальникомъ отряда, какъ

мнѣ умышленно приписываютъ 11 участниковъ, я не могъ, ибо былъ назначенъ начальникомъ арьергарда, и былъ моложе въ чинѣ полковника Романовскаго. Другими словами, 11 участниковъ сказали на стр. 28 *опять явную несообразность.*

Я послалъ казаковъ Федосѣева и Войлошникова кругомъ искать полковника Максимовскаго. Вернувшись, они доложили, что не нашли его.

Пока казаки искали полковника Максимовскаго, произошелъ разговоръ, воспроизведенный участниками на стр. 29 ихъ брошюры.

Приблизительно онъ переданъ вѣрно. Я дѣйствительно иронически относился къ стремленію во что бы то ни стало итти въ Телинъ. Какъ видно изъ предыдущаго, ни я, и никто въ отрядѣ не зналъ обстановки. Извѣстно же мнѣ было только то, что, двинувшись на востокъ отъ желѣзной дороги. мы не исполнили данной намъ задачи, чѣмъ можетъ быть поставили въ критическое положеніе другой отрядъ. А потому первое, что я предложилъ это—остановиться на этомъ мѣстѣ, выждать разсвѣта, и даже отойти немного назадъ, и затѣмъ на разсвѣтѣ снова двинуться къ дер. Саканцза, какъ было приказано.

Сознаюсь, что это было неправильно, что такое движеніе грозило намъ не меньшей катастрофой, чѣмъ та, что съ нами

случилась. Но и присутствовавшіе протестовали не потому, что движеніе не отвѣчало обстановкѣ, а потому что, по ихъ словамъ, не было патроновъ и сухарей. Словомъ, противъ моего проекта протестовали оба полковника, Мисевичъ и Романовскій.

Влѣво отъ насъ шагахъ въ 300 горѣла какая-то деревня, повидимому Цаонинза (въ виду того, что отъ желѣзной дороги мы шли въ темнотѣ и огонь зажигать было неудобно, то по картѣ слѣдить нельзя было за движеніемъ, но догадывались, что это была названная деревня). Я тогда предложилъ подтянуть къ ней колонну, построить резервный порядокъ, и разобраться въ обстановкѣ. Самъ поѣхалъ впередъ къ деревнѣ, выбралъ мѣсто и послалъ казака вести колонну на меня. Колонна построилась такъ: правѣе 5 стрѣл. полкъ, лѣвѣе 10 стрѣлковый полкъ. Старшимъ, т. е. начальникомъ отряда, былъ естественно полковникъ Мисевичъ (командиръ 10 стрѣл. полка). Я просилъ полковниковъ Мисевича и Романовскаго запретить людямъ сходить съ мѣстъ во избѣжаніе безпорядка. Приказаніе было отдано, но людьми не исполнено. Моментально кругомъ огня образовалась толпа, закипѣлъ въ котелкахъ чай.

У деревни, мы встрѣтили-какихъ то солдатъ, которые намъ разсказали, что недалеко отъ насъ къ сѣверу недавно былъ бой; наши пробиться не могли и что въ одной

фанзѣ этой деревни лежатъ раненые офицеры. Дѣйствительно, кто то изъ нашего отряда пошелъ въ эту фанзу и офицеровъ тамъ видѣлъ.

Кругомъ насъ началась усиленная сигнализація. Къ сѣверо западу отъ насъ усиленно сигнализировалъ семафоръ двумя бѣлыми фонарями; на востокъ отъ насъ появлялись и исчезали огоньки. Въ томъ же направленіи раздался сигналъ: „Слушайте всѣ“ и „отбой“. Полковникъ Мисевичъ, видя все это, сказалъ: „Вы видите, мы окружены“. Каюсь, я обидѣлъ тогда почтеннаго старика. Я ему рѣзко отвѣтилъ: „Вы всего боитесь“. На это полковникъ Мисевичъ обиженнымъ и официальнымъ тономъ замѣтилъ мнѣ: „Я не боюсь, подполковникъ, но Вы видите, что дѣлается“.

Мой рѣзкій отвѣтъ былъ вызванъ тѣмъ, что солдаты къ нашему разговору прислушивались, и всякія тревожныя догадки могли дурно на нихъ повліять. Какъ бы то ни было, но видя эту сигнализацію, я самъ въ душѣ согласился, что мы окружены, что о движеніи назадъ не могло быть рѣчи, и что надо пробиваться.

Такъ какъ между нами еще не рѣшено было, что дѣлать, то я обратился къ полковнику Мисевичу, что онъ какъ старшій, здѣсь начальникъ, можетъ приказать ту или другую мѣру, но что рѣшаться надо быстро,

и чтобы знать, куда прорываться, послать развѣдку.

Неясно мнѣ было, какъ могъ оказаться непріятель такъ скоро въ раіонѣ восточнѣе желѣзной дороги, т. е. въ раіонѣ первой арміи, которая, какъ мнѣ извѣстно было тогда, подъ Мукденомъ имѣла успѣхъ. Но когда потомъ я узналъ о прорывѣ у Кіузана о томъ, что около 12 час. дня 25 февраля отрядъ генерала Левестама былъ уже у Пухэ, тогда мнѣ понятно стало, въ какое ужасное положеніе мы попали силою какого-то рока, и какъ видно, отнюдь не по моей винѣ.

Для развѣдки вызваны были охотники. Вышло очень мало, что, я думаю, 11 участниковъ опровергать не станутъ. Тогда вызвана была рота подъ командой одного офицера 5 стрѣл. полка (одѣтый былъ въ доху, фамилію не помню, но тотъ самый, о которомъ я уже упоминалъ). Черезъ минутъ 30, къ сторонѣ движенія роты затрещала перестрѣлка и рота вернулась. Командиръ ея доложилъ, что впереди японцы. Тогда полковники Мисевичъ, Романовскій и я рѣшили пробиваться, двигаясь въ темную полосу къ сѣверо востоку (а не къ востоку, какъ утверждаютъ 11 участниковъ).

Полковникъ Мисевичъ приказалъ въ головѣ двинуться 5 стрѣл. полку, за нимъ 10 стрѣл. полку. Самъ онъ шелъ въ головѣ 10 стрѣл. полка, а я съ нимъ. Но раньше,

чѣмъ двигаться, я просилъ выслать для демонстраціи къ сторонѣ сигналовъ еще одну роту, что и было исполнено.

Надѣюсь, что полковникъ Романовскій, а можетъ быть и подполковникъ Кременецкій не будутъ оспаривать, что именно я просилъ послать демонстрацію.

Какъ бы сознавая важность минуты, отрядъ въ полнѣйшей тишинѣ молодецкимъ шагомъ двинулся въ указанномъ направленіи. Минутъ черезъ 20 послѣ начала движенія, командиръ 10 стрѣл. полка упалъ съ какого-то обрыва, повредилъ себѣ ногу и долженъ былъ тише двигаться, поддерживаемый подъ руки двумя нижними чинами. Я въ темнотѣ потерялъ полковника Мисевича изъ виду. Такъ какъ колонна отъ быстраго движенія скоро перепуталась, то на первомъ привалѣ я оказался въ колоннѣ 5 стрѣл. полка. Я подошелъ къ головѣ колонны. Голову велъ капитанъ 5 стрѣл. полка (фамиліи не знаю), дѣльный и разсудительный. Если это былъ капитанъ Шаравскій, какъ сказано на стр. 31 брошюры, то очень радъ воздать должное одному изъ одиннадцати. Впрочемъ, вести колонну было нетрудно. Надо было все время двигаться цѣлиной нѣсколько правѣе полярной звѣзды, т. е. на сѣверо-востокъ. Маршъ былъ крайне трудный: по оврагамъ, по гаольяновому полю, по кустамъ, въ напряженномъ состояніи.

На первомъ привалѣ оказалось, что 10 стрѣл. полкъ оторвался отъ 5-го. Сначала мы рѣшили его ждать, но такъ какъ до перваго привала огня по насъ не было и мы, повидимому, вышли изъ раіона расположенія главныхъ силъ японцевъ, то мы двинулись далѣе, полагая, что 10 стрѣл. полкъ далеко быть не можетъ, и идетъ за нами, держась того же направленія, т. е. немного правѣе полярной звѣзды.

Движеніе происходило, хотя и быстро, но въ безпорядкѣ, во 1-хъ, потому, что малыхъ привaловъ было очень недостаточно, а во 2-хъ, оттого, что въ головѣ колонны ѣхали верхами полковникъ Романовскій и подполковникъ Кременецкій. Верхомъ человѣкъ не замѣчаетъ, что пѣшій отстаетъ. Голова колонны еще поддерживала надлежащую скорость шага. Я шелъ все время пѣшкомъ, начиная отъ горящей деревни, ибо, какъ сказано выше, свою лошадь съ однимъ уральскимъ казакомъ я отправилъ изъ деревни Лодяфынь. Со мной было 3 казака амурцевъ, оставшіеся отъ $^3/_4$ сотн. (урядники Федосѣевъ и Образцовъ и казакъ Войлошниковъ). Всѣ трое вели лошадей въ поводу, иногда садясь верхомъ.

Шагъ головы былъ такой скорый, что колонна теряла массу отсталыхъ, въ чемъ сознаются 11 участниковъ на стр. 32 брошюры. Но кто въ этомъ виноватъ? Солдаты роптали вслухъ, сбрасывая съ себя аму-

ницію. „Хорошо имъ ѣхать верхомъ“ — слышалъ я нѣсколько разъ. Я послалъ въ голову дать знать, что надо тише двигаться, потому что всѣхъ растеряемъ понемногу. По временамъ давались передышки, во время которыхъ колонна ложилась въ изнеможеніи и многіе тотчасъ засыпали.

Часа черезъ 2 марша отрядъ пересѣкъ р. Пухэ.

За все время движенія огня по колоннѣ не было, но разъ кто-то насъ окликнулъ на гортанномъ нарѣчіи „кто идетъ“ (по-русски). Колонна шарахнулась и продолжала итти далѣе. Лѣвѣе колонны на плоской возвышенности то и дѣло вспыхивали бенгальскіе огни. Правѣе за нами слѣдилъ какой-то фонарь. Эта обстановка описана вѣрно въ концѣ стр. 30 и въ началѣ 31-й брошюры 11 участниковъ.

Справа и слѣва отъ насъ на горизонтѣ виднѣлись зарева огней. У одного изъ нихъ слышался громкій разговоръ и ржаніе лошадей.

Приблизившись къ этому зареву на версту, мы выслали въ развѣдку сигналиста (говорящаго немного по-китайски) и еще 1—2 ниж. чин., а вовсе не капитана Шаравскаго, какъ утверждаютъ 11 участниковъ на страницѣ 33. Развѣдчики донесли, что это японцы.

Продвинувшись отъ Пухэ еще часъ, отрядъ остановился на одной возвышенности.

Не имѣя никакихъ свѣдѣній о прорывѣ у Кіузана и о томъ, что восточнѣе желѣзной дороги можетъ быть японская пѣхота, предполагая, что на нашемъ пути, если и можетъ встрѣтиться противникъ, то кавалерійскія части или даже хунхузскіе отряды, командиръ полка спросилъ окружавшихъ его на остановкѣ офицеровъ, не довольно ли направляться на сѣверо-востокъ и сѣверъ. Баталіонный командиръ 1-го баталіона стоялъ за продолженіе движенія на сѣверо-востокъ. Командиръ ведущей роты рѣшилъ, что пора сворачивать къ желѣзной дорогѣ, т. е. двигаться на сѣверо-западъ. Я склонялся къ продолженію движенія на сѣверъ или сѣверо-востокъ. Командиръ полка ничего опредѣленнаго не рѣшилъ, но согласился, повидимому, съ командиромъ ведущей роты, и полкъ двинулся на сѣверо-западъ. Другими словами, на свое несчастіе мы перемѣнили направленіе съ сѣверо-востока почти подъ прямымъ угломъ на сѣверо-западъ.

Черезъ полчаса марша отрядъ поднялся на плоскую возвышенность; и тихо прилегъ. Съ высоты открылся видъ на равнину съ огнями. У подошвы горы лежала большая площадь, слабо освѣщенная огнями; южнѣе ея прямоугольникъ чрезвычайно правильной формы, весь изъ костровъ; впереди его прямоугольникъ такой же формы меньшихъ размѣровъ; впереди послѣдняго свѣтящаяся

точка; кругомъ этого расположенія рядъ свѣтящихся сигналовъ, изъ которыхъ ближайшій къ намъ сталъ приближаться. Видя это, командовавшій баталіономъ или командиръ ведущей роты (не помню кто) сказалъ: „Э, да тутъ двѣ дивизіи". Высланная къ сторонѣ одного сигнала развѣдка тоже изъ горниста, а не капитанъ Шаравскій, донесла, что это японцы. Тогда колонна немедленно поднялась въ направленіи на сѣверовостокъ, но не успѣла она сдѣлать 200—300 шаг., какъ, спустившись въ логъ, была слабо обстрѣлена съ сосѣдней высоты. Такимъ образомъ, огню первый разъ за этотъ ночной маршъ колонна подверглась, не поднявшись на одинъ изъ горныхъ гребней, какъ сказано на стр. 33 брошюры, а наоборотъ спустившись въ логъ, доказательствомъ чего служитъ то, что для атаки намъ пришлось взобраться на верхъ, какъ ниже сказано.

По выстрѣламъ можно было заключить, что стрѣляли 20—30 ружей. Надо было на что-нибудь рѣшиться, такъ какъ колонна была открыта. Командиръ полка и подполковникъ Кременецкій хотѣли выдвинуть цѣпь, но я имъ посовѣтовалъ въ перестрѣлку ночью не ввязываться, а ударить въ штыки и опрокинуть японскихъ стрѣлковъ. Собравъ наскоро полкъ, командиръ полка и подполковникъ Кременецкій (не помню кто) подвелъ его на край возвы-

шенности и скомандовалъ „ура“. Кромѣ этой команды другой энергичной команды подполковника Кременецкаго (стр. 33) не было, ибо я ее слыхалъ бы, такъ какъ стоялъ въ 3 шагахъ отъ него. Полкъ отлично бросился, но многіе при этомъ кричали: „Это братцы, наши; не стрѣляй, свои“. Атаковавшимъ пришлось спрыгнуть въ одинъ логъ, снова подняться, опять спрыгнуть во второй логъ и подняться на возвышенность, на которой стоялъ поселокъ. Я, командиръ полка и подполковникъ Кременецкій тоже бѣжали съ цѣпями. Ударъ въ штыки шелъ весьма дружно и энергично, но крики „это свои“, вѣроятно, однихъ смущали, другимъ давали ложную надежду, что столкновенія не будетъ. Такъ что когда пришлось брать поселокъ, наступила реакція. Правда, толпа снова ринулась, но также быстро (съ крикомъ „ура“) отскочила какъ обожженная чѣмъ-то и спряталась въ оврагѣ.

Вотъ какъ велась атака. Заминка же въ ней, описанная на стр. 34 брошюры, изображена невѣрно, или умышленно, или по забывчивости.

Пока остановимся. Въ разсказѣ 11 участниковъ по поводу атаки слѣдующія неточности:

1) Колонна была обстрѣлена не на возвышенности, а спустившись въ узкую долину.

2) Въ штыки колонна бросилась по моему совѣту, а вовсе не по иниціативѣ подполковника Кременецкаго (стр. 33 брошюры).

3) Команда „Ура“ подана была не помню, кѣмъ: полковникомъ Романовскимъ или подполковникомъ Кременецкимъ.

4) Далѣе, неужели подполковникъ Кременецкій не помнитъ, что мы съ нимъ оба и еще 2—3 офицера остались ближе всѣхъ къ японцамъ въ разстояніи 50 шаг., когда атаковавшіе отхлынули назадъ. Неужели онъ забылъ этотъ силуэтъ поселка въ темнотѣ съ деревьями и огоньками японскихъ ружей, съ прикладкой стоя? Наконецъ, почему подполковникъ Кременецкій забылъ тотъ взглядъ, который онъ на меня бросилъ, когда мы оба съ нимъ остались на виду японцевъ на опустѣвшей площадкѣ, взглядъ въ которомъ рисовались и отчаяніе и стыдъ за солдатъ и вопросъ?

Въ эту минуту я еще искренно считалъ подполковника Кременецкаго лучшимъ штабъ офицеромъ, и еще нѣкоторое время онъ дѣятельно работалъ.

Медленно, мы съ нимъ спустились къ толпѣ, засѣвшей въ узкой расщелинѣ. Это уже былъ не полкъ, а именно толпа изъ самыхъ разнообразныхъ частей.

Новые крики: „впередъ, не бойся, ихъ мало“—не приводили ни къ чему. Изъ выскочившихъ изъ оврага людей была на скорую руку разсыпана цѣпь, чтобы дать воз-

можность выбраться изъ него. Но цѣпь совершенно ошалѣла и стрѣляла въ небо. Большая часть направилась къ возвышенности, виднѣвшейся къ югу сквозь полусвѣтъ разсвѣта. Тутъ я обратился къ командиру полка со словами: „полковникъ, соберите прежде Вашъ полкъ, а затѣмъ видно будетъ, что дѣлать“. Командиръ полка довольно апатично для такой минуты отдалъ приказаніе: „г.г. офицеры соберите ваши роты; что-то мало офицеровъ я вижу“. Только что взводы стали разбираться въ этой невѣроятной путаницѣ, гдѣ были 5 стрѣл. полкъ, Орловцы и масса другихъ бѣглецовъ, прилипшихъ къ колоннѣ еще подъ Мукденомъ, какъ командиръ полка спросилъ: „а гдѣ же знамя?“ На это кто-то отвѣтилъ: „знаменная рота сидитъ въ оврагѣ“. Тогда командиръ полка направился къ тому же оврагу. Какъ оказалось потомъ, судя по разсказамъ 11 участниковъ (стр. 41), знаменная рота гораздо раньше оторвалась отъ колонны, что и неудивительно было, судя по тому безпорядочному движенію, о которомъ я выше говорилъ. Въ виду того, что еще на совѣщаніи у горящей деревни, передъ началомъ ночного марша командиръ полка сказалъ, что, если будетъ плохо, то знамя будетъ зарыто, о чемъ онъ хотѣлъ отдать приказаніе командиру знаменной роты, надо полагать, что знамя не попало въ руки японцевъ.

За все это время, когда полкъ пытался устроиться, часть офицеровъ дѣйствовала апатично, многіе [1]) обтирали себѣ лобъ платкомъ, оглядываясь по сторонамъ, не находя себѣ мѣста. Ружейная стрѣльба японцевъ продолжалась, и пули стали гуще свистѣть. Повидимому, толпа, которую уже нельзя было назвать полкомъ, обходилась съ востока. Въ той же сторонѣ шагахъ въ 200 виднѣлся высокій бугорокъ, командовавшій всей долиной и запирающій оттуда выходъ. Занятіе его было очень важно. Я тогда просилъ старшаго подполковника Кременецкаго занять его цѣпью. «Братцы, пойдемъ занять вотъ тотъ бугоръ"—скомандовалъ подполковникъ Кременецкій, но, дойдя до него, на него не влѣзъ и цѣпи не назначилъ. Тогда я сталъ первыхъ попавшихся солдатъ за рукавъ тащить на бугоръ. При этомъ получались отвѣты: „да я чужой, не стрѣлокъ". Только что одного положишь на бугрѣ, идешь за другимъ, какъ предыдущій уже сбѣгаетъ. Большинство ложилось не на вершинѣ бугра, а на внутреннемъ скатѣ, и стрѣляли въ небо. Многіе двигались вдоль подошвы бугра и на вскидку стрѣляли вверхъ; однимъ словомъ,

[1]) Утвержденіе 11 участниковъ на стр. 36, что во время гибели полка были только на лицо 2 офицера, Кременецкій и Шаравскій,—ложь. Тутъ было человѣкъ 10—11, и я думаю, что какъ разъ тѣ одиннадцать, которые подписали брошюру, иначе они не имѣли нравственнаго права ее подписывать.

отупѣніе было полное. Въ это время въ толпѣ кричатъ: „а вотъ сзади насъ на гребнѣ длинныя цѣпи“, а другіе прибавляютъ— „а вотъ съ востока тоже цѣпь“. Тогда я обращаюсь къ подполковнику Кременецкому съ вершины бугра внизъ и кричу ему: «пожалуйте сюда, примите командованіе цѣпью». На это былъ его отвѣтъ: „изъ этого ничего не выйдетъ, мы окружены“ [1]). Я ему тогда крикнулъ: „потрудитесь молчать и исполнять приказаніе; идете сюда“. Онъ подошелъ къ подошвѣ бугра, сѣлъ, отирая потъ и сказалъ: „полковникъ, я двѣ ночи не спалъ, вчера не ѣлъ и не въ состояніи что либо сдѣлать; чего же вы хотите“. Я ему отвѣтилъ, что прежде всего надо цѣпями прикрыться съ двухъ сторонъ и въ серединѣ между ними привести части въ порядокъ. На это былъ его отвѣтъ. «Вы видите, что дѣлается; Вы хотите чтобы насъ избивали». «Ну такъ Вы чего хотите»—я спросилъ. При такомъ положеніи, былъ отвѣтъ съ улыбкой—„самое лучшее то, что Вы хорошо знаете, но чего не хотите назвать“. „То есть что—сдаться?“ —былъ мой вопросъ. „Конечно“. Ну такъ вы подлецъ—

[1]) Слова 11 участниковъ на стр. 35, будто Кременецкій мнѣ отвѣтилъ:„Вы такой же офицеръ, какъ и я“—ложь. Разговоръ происходилъ такъ, какъ изложено ниже, и какъ я его записалъ 1 Марта 1905 г., черезъ 3 дня послѣ эпизода въ рапортѣ № 45 на имя генералъ квартирмейстера.

я ему отвѣтилъ,—дѣлайте какъ хотите, а я въ плѣнъ не намѣренъ сдаваться".

Вотъ какъ происходилъ разговоръ. Описаніе его на стр. 35 брошюры 11 участниковъ невѣрно все сначала и до конца. Между прочимъ, во время разговора я и не думалъ садиться vis à vis съ Кременецкимъ (стр. 35), ибо хлопоталъ все время около цѣпи. Разговоръ въ томъ видѣ, какъ я передалъ его выше, записанъ официально мной черезъ три дня (1 марта) послѣ этого случая и врѣзался глубоко въ моей памяти.

Если бы я командовалъ отрядомъ, я, вѣроятно, расправился бы съ подполковникомъ Кременецкимъ, но въ данную минуту я былъ въ отрядѣ случайный свидѣтель, бывшій начальникъ, а въ данную минуту никто. Каюсь, что не рѣшился застрѣлить подполковника Кременецкаго, что несомнѣнно надо было сдѣлать. Изъ всѣхъ офицеровъ помогалъ мнѣ въ эту минуту подполковникъ 10 стрѣл. полка (со знакомъ отличія военнаго ордена, фамиліи не помню). Онъ во время моего разговора съ подполковникомъ Кременецкимъ принялъ командованіе цѣпью на бугрѣ, но, къ сожалѣнію, и его цѣпь не слушалась, и понемногу растаяла почти вся.

Сойдя съ бугра, вся толпа оставалась совершенно открытой. Очевидно, нельзя было терять ни минуты. Южныя цѣпи спускались съ горъ. На горахъ къ востоку замѣчено

было усиленное движеніе. Я обратился къ подполковнику Кременецкому еще разъ съ предложеніемъ дѣйствовать, постараться пробиться и самъ двинулся вдоль бугра съ кучкой солдатъ человѣкъ 10 и съ 3 казаками (Федосѣевъ, Образцовъ и Войлошниковъ), ведшими лошадей въ поводу. Ружейный огонь японцевъ усиливался. Но оглянувшись, я увидѣлъ, что и подполковникъ Кременецкій тронулся съ мѣста, но идетъ не на востокъ, а на юго востокъ. Я ему закричалъ издалека слѣдовать за мной, но онъ сдѣлалъ отрицательный жестъ головой и продолжалъ итти. Итакъ, мнѣ оставалось или итти за подполковникомъ Кременецкимъ т. е. въ ту стонону, гдѣ замѣтны были японскія цѣпи, или дѣйствовать самостоятельно .Я выбралъ второе. Я обратился къ окружавшимъ меня людямъ со словами: „ну братцы такъ вы кучкой не пройдете, самое лучшее разсыптесь по лощинамъ и оврагамъ, а ночью итти на сѣверъ, на Телинъ". Казакамъ я сказалъ: „Я также на день спрячусь, ночью пойду, а если меня будутъ ловить застрѣлюсь. (Я думаю, что если допросить подъ присягой ту кучку, что со мной была, то они подтвердятъ эти мои слова). Своихъ трехъ казаковъ я отпустилъ. Федосѣевъ далъ лошади плетку и сказалъ: „такъ хорошо будетъ Ваше Высокоблагородіе. Мы пріѣдемъ къ Главнокомандующему и разскажемъ все, и Вамъ будетъ выручка". Какъ-

то обидно было думать, что я, подполковникъ, представляю изъ себя почти беззащитнаго звѣря, принужденнаго пассивно укрываться, покинутый всѣми, кромѣ кучки солдатъ. Я смотрѣлъ вслѣдъ скакавшимъ казакамъ и вдругъ крикнулъ: „Федосѣевъ, а то оставь мнѣ свою лошадь и оставайся со мной.“ Казаки остановились. Федосѣевъ отвѣтилъ: „Ваше Высокоблагородіе, что такъ зря погибать, садитесь на моего коня, конь добрый вывезетъ“. Я сѣлъ на крупъ и мы поскакали.

Разговоръ, будто бы переданный унтеръ-офицеромъ Миняевымъ, на стр. 37, сплошная ложь, ибо „выпутываться какъ сами знаете“ я не говорилъ, а считалъ безсмысленнымъ съ кучкой солдатъ изъ 10 человѣкъ попасться добычей японцамъ и поѣхать въ Мацуяму. Я полагалъ, какъ теперь думаю, что въ такихъ случаяхъ, когда остается кучка, которой грозитъ окруженіе и *неминуемый плѣнъ*, слѣдуетъ поступать такъ, какъ дѣйствуетъ разъѣздъ въ подобныхъ случаяхъ, т. е. разсѣяться, *ибо итти въ плѣнъ по меньшей мѣрѣ безполезно для отечества и своей арміи*. Равнымъ образомъ, и не казакъ садился на крупъ моей лошади какъ сказано на стр. 37, а наоборотъ я сѣлъ на крупъ казачьей лошади.

Любопытно допросить унтеръ-офицера Миняева, если онъ видѣлъ, какъ я садился

на лошадь Федосѣева, сколько человѣкъ осталось около меня.

Только что мы спустились къ рѣчкѣ, мы увидѣли китайцевъ, у которыхъ спросили, гдѣ японцы. Они намъ указали направленіе на югъ съ предостерегающими жестами, и совѣтовали ѣхать на сѣверъ; мы выбрали направленіе на востокъ. Только что мы проскакали рѣчку, какъ увидѣли въ сѣверномъ направленіи двуколку и 3-хъ конныхъ. Всѣ обрадовались, будто это нашъ обозъ. Конные остановились и махали намъ фуражками. Урядникъ Образцовъ соскочилъ съ коня и далъ выстрѣлъ. Конные поскакали за своей фудутункой. Мы двинулись далѣе. Изъ одной фанзы вышелъ на встрѣчу японецъ, и съ улыбкой и поклонами зазывалъ насъ въ фанзу. Мы проскакали мимо молча. Несомнѣнно, мы представляли оригинальную картину въ раіонѣ, гдѣ японцы расположились совершенно по мирному. Эта обстановка указываетъ, въ какое критическое положеніе попала колонна, оказавшись въ раіонѣ, густо занятомъ японцами. Я ни минуты не вѣрилъ въ благополучный исходъ; онъ мнѣ казался прямо невѣроятнымъ, и до сихъ поръ я удивляюсь благополучной развязкѣ.

Двигаясь дальше, мы увидѣли рощу. По ту сторону рощи показалось нѣсколько конныхъ въ высокихъ мѣховыхъ воротникахъ. Сначала они насъ не замѣтили. Но когда

мы рощу обогнули и дали конямъ плети, они сначала за нами погнались, а потомъ открыли огонь пачками. Но тутъ я съ Федосѣвымъ полетѣли на землю. Поднявшись, мы увидѣли, что лошадь мертва. Была ли она ранена или пала отъ утомленія, этого не знаю. Подробно осматривать было некогда. Остальные казаки тоже спѣшились. Разъѣздъ къ моему удивленію, насъ не преслѣдовалъ. Это было около 11—12 час. утра. Въ виду крайняго утомленія лошадей два казака бросили своихъ коней, и мы четверо должны были далѣе пробираться пѣшкомъ. Отставъ сильно отъ своихъ спутниковъ, такъ какъ было до невозможности тяжело итти въ полушубкѣ, я еще разъ наткнулся на 5 японцевъ, сидѣвшихъ въ рощѣ и мирно игравшихъ въ какую-то игру. Изъ нихъ одинъ только повернулся ко мнѣ и равнодушно далъ мнѣ знать итти къ нимъ. Въ отвѣтъ, разумѣется, я попятился, и, обойдя рощу, нашелъ своихъ спутниковъ, которые на холмѣ въ разстояніи $^1/_2$ вер. меня поджидали. Присоединившись къ нимъ, я былъ такъ уставши, что чувствовалъ почти полное истощеніе. Сначала я къ нимъ обратился съ предложеніемъ оставить меня въ рощѣ. Тутъ было много нарубленнаго сосняка, я думалъ укрыться и пролежать до темноты, а ночью двинуться дальше. Но Федосѣевъ отвѣтилъ: „какъ можно своего боевого товарища оставлять;

идемте, мы Вамъ поможемъ". Тогда я рѣшилъ сбросить съ себя полушубокъ. Остался въ шведской курткѣ на мѣху, енотовой папахѣ и сапогахъ изъ забайкальской нерпы при оружіи. Въ такомъ видѣ я предсталъ 27 Февраля, въ 12 час. дня, передъ генераломъ квартирмейстеромъ при главнокомандующемъ, что, вѣроятно, помнятъ мои товарищи. Въ непрерывномъ движеніи пѣшкомъ я былъ 24 часа съ лишнимъ, отъ паденія моей лошади, т. е. съ 10—11 час. утра 26 февраля до 12—1 час. дня 27 февраля.

При этомъ надо принять во вниманіе, что въ ночь съ 25 на 26 я шелъ тоже пѣшкомъ. Итакъ, въ движеніи пѣшкомъ, почти безъ отдыха, я былъ съ 10 час. вечера 25 февраля (начало ночного марша отъ горящей деревни) до 12—1 дня 27 февраля т. е. свыше 36 час. [1])

У одного изъ 11 участниковъ уже около 12 часовъ дня 26 февраля явилось изнеможеніе (стр. 41), а я послѣ того какъ они попали въ плѣнъ, двигался еще 24 часа безъ ѣды, глотая только ледъ и снѣгъ, *и изнеможеніе все-таки не явилось*, потому что я себѣ поставилъ цѣлью смерть или пробиться къ своимъ, что противъ ожиданія и удалось. Сбросивъ съ себя полушу-

---

[1]) Какъ ниже сказно изъ этого числа надо вычесть на отдыхъ 2 ч. 40 м. въ общей сложности всѣхъ остановокъ болѣе крупныхъ.

бокъ, я сразу бодрѣе пошелъ. Выбирали мы урочища, главнымъ образомъ, хребты, чтобы имѣть кругозоръ. не опасаясь, что наши 4 фигуры могутъ быть видны.

Около 2 часовъ дня, увидѣвъ одну деревню, мы попробовали къ ней спуститься (Федосѣевъ хорошо говорилъ по-китайски). На встрѣчу намъ появился китаецъ съ миской гаоляновой похлебки и ведромъ воды. Оказывается, онъ насъ принялъ за японскихъ дозоровъ, такъ какъ въ мѣстности, занятой японцами, установлено было, что населеніе, увидѣвъ партію японцевъ, приближающихся къ деревнѣ, обязано было само выносить имъ навстрѣчу ѣду и воду. На вопросы, заданные китайцу, послѣдній заявилъ, что въ этой мѣстности стоитъ уже одна кавалерія. Я проглотилъ нѣсколько палочекъ похлебки и получилъ отъ китайца гаоляновую лепешку. Вслѣдствіе сильнаго изнеможенія мы рискнули было отдохнуть, хотя бы въ хлѣву или сараѣ. Кромѣ того, я переодѣлся въ китайскій халатъ, а свою папаху перевернулъ мѣхомъ внутрь. Уже расположились было на гаолянѣ, какъ набѣжала толпа жителей съ пронзительнымъ крикомъ: „ибенъ, ибенъ“. Пришлось, быстро сняться и, имѣя оружіе на готовѣ, черезъ задній дворъ мы двинулись въ горы. Прошло еще часа 2 непрерывнаго движенія. Снова передъ нами деревня, примѣрно дер. Сансыпаосанъ. Тутъ съ нашей сто-

роны была та же попытка съ тѣмъ же результатомъ. Выбѣжавъ изъ деревни и слѣдя за ней съ лѣсистаго холма, мы дѣйствительно увидѣли разъѣздъ, наблюдавшій въ бинокль въ нашемъ направленіи.

Найдя на холмѣ расщелину, мы расположись въ ней относительно удобно, почти въ полномъ изнеможеніи. Вдругъ съ вершины нашего кургана раздался голосъ. Казаки схватились за ружья. Оказался китайскій офицеръ, за нимъ нѣсколько китайскихъ полицейскихъ съ надписями на груди по-русски „Мукденская провинція“, и мальчикъ со связкой въ рукѣ и чайникомъ. Оказалось, доставили намъ чай, варенаго мяса и чернаго хлѣба. Мы сѣли въ кружокъ и съ наслажденіемъ проглотили по нѣсколько чашекъ чаю.

Китайскій офицеръ, догадавшись, куда мы идемъ, совѣтовалъ намъ пока поспать, а затѣмъ онъ ночью дастъ провожатыхъ. Свое предложеніе онъ повторялъ нѣсколько разъ. Вдругъ произошла какая-то суматоха. Всѣ китайцы повскакали съ мѣстъ и бросились бѣжать, казаки съ проклятіями погнались за китайцами, а китайскій офицеръ, убѣгая, также громко ругалъ другихъ китайцевъ. Оказалось, что одинъ изъ китайцевъ схватилъ винтовку казака Войлошникова и бросился бѣжать. А офицеръ (по переводу Федосѣева) ругалъ ихъ, что они

все дѣло испортили. Несомнѣнно, былъ замыселъ насъ предать японцамъ, въ случаѣ если бы мы согласились на предложеніе замѣшкаться. Послѣ этого случая мы еще болѣе глухими мѣстами двинулись къ широкой долинѣ (примѣрно у дер. Сансыпаосанъ), которую намъ надо было пересѣчь, чтобы попасть на сѣверное направленіе. Одинъ изъ казаковъ сталъ при этомъ все время причитать: «ну теперь все пропало, хоть бросай ружья, вся работа была даромъ». Остальные не унывали. Собравши всѣ силы, мы бодрымъ шагомъ спустились въ долину, и на виду у китайцевъ, высыпавшихъ изъ разныхъ фанзъ, двинулись по ней къ высотамъ сѣвернаго берега. Къ удивленію нашему никто насъ не тронулъ, только галдѣвшая толпа долго еще насъ провожала.

Такой благополучный исходъ меня убѣдилъ, что пора мѣнять направленіе съ восточнаго на сѣверо-западное, ибо, повидимому, мы вышли изъ сферы японскаго расположенія, и японскій разъѣздъ, замѣтившій насъ у деревни, былъ, очевидно, случайнымъ. Чтобы замести слѣды, мы двинулись на самый крутой хребетъ. Ноги отказывались итти. У каждаго ручейка я глоталъ ледъ. Усталость была такъ сильна, что мнѣ пришлось вынуть шашку и опираться на клинокъ. Казаки тоже, повидимому, страшо устали, и мы начали оста-

навливаться для отдыха черезъ каждые $^1/_2$ часа.

Въ самыхъ крутыхъ мѣстахъ мнѣ пришлось держаться за руку казака, что при обыкновенныхъ условіяхъ никогда со мной въ горахъ не бываетъ. Увидѣвъ подъ вечеръ 26 февраля китайца съ осломъ, мы его наняли, чтобы садиться по-очереди, но по дорогѣ китайцу показалось, что въ сторонѣ одной долины японцы, и онъ, бросивъ осла, съ пронзительнымъ крикомъ бѣжалъ. Осликъ намъ немного помогъ, но, идя на сѣверо-западъ, мы естественно снова вошли въ соприкосновеніе съ японцами, и опять увидѣли бивакъ такой же формы, какъ наканунѣ ночью. Но мы тщательно обходили всѣ огоньки и костры часовыхъ. Во время безчисленныхъ перелѣзаній черезъ канавы и заборы, нашъ осликъ вырвался и сбѣжалъ. Это было около 2 — 3 час. ночи. Пришлось снова итти пѣшкомъ. Усталость была такъ сильна, что мы останавливались, каждые $^1/_4$—$^1/_2$ часа, минутъ на 5 и моментально засыпали, но сознаніе, что еще не все сдѣлано, придавало мнѣ бодрость. Обыкновенно я первый просыпался и будилъ своихъ спутниковъ. Наконецъ, около 5—6 час. утра, мы попали въ большую деревню. Оказалось Синтхайцзы. Китаецъ одной большой фанзы объявилъ намъ, что японцы еще не приходили и наши близко. У этого китайца мы рѣшили остановиться на 2—3

часа и заснули крѣпкимъ сномъ. Часовъ въ 8 утра мои казаки проснулись и мы первый разъ за 36 час. поѣли горячей чумизы. Сбросивъ съ себя китайскій халатъ, я съ казаками двинулся далѣе пѣшкомъ по полотну желѣзной дороги, и вскорѣ мы попали въ русло отступавшей толпы.

Такъ закончилось то, что 11 участниковъ на стр. 45 назвали, что подполковникъ Циховичъ благополучно добрался до главной квартиры. Я думаю, что *это было нѣсколько труднѣе, чѣмъ въ 12 час. дня 26 февраля пасть въ изнеможеніи и сдаться въ плѣнъ.* Я спрошу участниковъ, почему у нихъ не хватило мужества пустить себѣ пулю въ лобъ. Я 27 февраля снова горѣлъ желаніемъ воевать и имѣлъ къ этому возможность, ибо былъ среди своихъ. Если бы война продолжалась, можетъ быть, я могъ бы хоть что-нибудь сдѣлать, а *11 участниковъ на всю войну были парализованы* сколько бы она ни продолжалась. Кто же могъ знать въ концѣ февраля 1905 г., какъ долго продолжится война? Можно было разсчитывать, что конецъ ея будетъ черезъ мѣсяцъ или черезъ нѣсколько лѣтъ. Шансы были одинаковы.

Несомнѣнно, *11 участникамъ надо было оправдать свой плѣнъ. Кременецкому надо было опровергнуть разсказъ г. Краснова въ Лѣтописи войны 1906 г. №№ 55, 56.* Но зачѣмъ для этого говорить неправду? Къ чему иска-

жать истину въ изображеніи фактовъ, которые не могли до такой степени изгладиться изъ памяти? Подобно маленькимъ грязнымъ листкамъ провинціальной прессы извѣстнаго направленія, 11 участниковъ или, вѣрнѣе, центральная ихъ фигура Кременецкій, постарались сразу же найти для себя *укромную лазейку* въ видѣ словъ на стр. 36: „мы удостовѣряемъ, что разговоръ этотъ (см. лѣтопись войны №№ 55, 56, равно какъ и ссора Циховича съ Кременецкимъ, происходили въ полголоса (*не угодно ли?* [1]) и такъ, что ни Шаравскій, ни Бѣлоцерковецъ ничего не слыхали, и слѣдовательно разсказъ Циховича о томъ, что Кременецкій громко предложилъ сдаться, а офицеры 5 стрѣл. полка молча согласились—ложь". *Не угодно ли, какъ просто?* Ну развѣ это не напоминаетъ, по тону, какого-нибудь корреспондента хотя бы, напримѣръ, о Бѣлостокскомъ погромѣ? На мѣстѣ 11 участниковъ я сдѣлалъ бы такъ. Я подалъ бы рапортъ по начальству съ изложеніемъ дѣла такъ, какъ это изображено у 11 участниковъ, прося пріобщить его къ дѣлу о разборѣ вопроса о плѣненіи офицеровъ 5 стрѣл. полка (согласно приказа по В. В. 1906 г. № 68). Затѣмъ, я ждалъ бы законнаго хода дѣла. Обращеніе къ общественному мнѣнію оказалось полезнымъ потому,

---

[1]) Моя вставка.

что освѣтило темный эпизодъ, но врядъ ли можетъ повліять на документальную сторону.

Пусть 11 участниковъ вѣрятъ, что я до сихъ поръ былъ болѣе, чѣмъ скроменъ въ своихъ разсказахъ. Ихъ знали только лучшіе мои знакомые и прямые начальники въ штабѣ главнокомандующаго, которымъ я обязанъ былъ доложить, что случилось. Пусть спросятъ у всѣхъ моихъ сослуживцевъ по 2-й Сибирской и 4-й Восточно-Сибирской стрѣлковой двизіямъ за 1905—1907 гг., кому я разсказывалъ о случаѣ съ 5 стрѣл. полкомъ. За три года лишь одинъ разъ вызвалъ меня на разсказъ одинъ крупный начальникъ, и я не скажу, чтобы это было тогда мнѣ пріятно, и другой разъ мнѣ пришлось разсказать на-дняхъ другому моему начальнику, по его требованію. Слишкомъ глубокое было событіе, чтобы его афишировать, а тѣмъ болѣе, чтобы обращаться къ публикѣ съ брошюрками обличительнаго характера. Но разъ положено начало, я не вправѣ былъ молчать, чѣмъ я думаю врядъ ли кто будетъ меня упрекать.

Я исчерпалъ все, что моя память сохранила. Болѣе прибавить ничего не могу. Я старался дать точную фотографію того, что видѣлъ и испыталъ, болѣе никакихъ разъясненій давать не буду и по этому вопросу въ печати выступать не стану. Но за всѣ будущія изліянія въ печати 11 участниковъ *я обращусь къ иному способу дѣйствій.*

Добавлю еще нѣсколько словъ.

11 участниковъ полагаютъ, что я всю вину въ гибели полка свалилъ будто бы на полкъ.

Вмѣсто оправданій привожу дословную выписку о причинахъ гибели отряда генерала Соллогуба изъ моего рапорта 1-го марта 1905 года № 45 на имя генералъ-квартирмейстера. „Весь корень зла, мнѣ кажется, заключается:

1) Въ абсолютномъ отсутствіи ориентировки отряда въ событіяхъ, не смотря на принятыя мѣры для сбора свѣдѣній:

а) отрядъ въ ночь съ 24 на 25 не зналъ, что именно произошло въ императорской рощѣ;

б) онъ не зналъ объ отсутствіи Леша и если бы промедлилъ еще $^1/_2$ — 1 час., то былъ бы окруженъ у императорскихъ могилъ;

в) онъ не зналъ и даже никому на умъ не могло притти, чтобы японскій отрядъ изъ 3-хъ родовъ оружія могъ стоять въ районѣ Пухэ.

2) Въ сильномъ утомленіи людей предыдущими днями и серьезнымъ боемъ 25 февраля; упадкомъ духа вслѣдствіе отступленія, которое всегда такъ гибельно вліяетъ на войска; ночнымъ маршемъ цѣлиной по полямъ и оврагамъ съ напряженнымъ ожиданіемъ встрѣчи непріятеля“. . . . . .

. . . . . .

Бывшіе со мной казаки Федосѣевъ, Образцовъ и Войлошниковъ потомъ мнѣ говорили: „однако, Ваше Высокоблагородіе, какъ солдаты и офицеры не хотѣли драться. Эхъ матушка Россія; одинъ безпорядокъ“. Это очень характерное опредѣленіе.

Однако, несомнѣнно, что были и другія причины гибели, напримѣръ, движеніе отряда восточнѣе желѣзной дороги, вмѣсто того, чтобы итти западнѣе, какъ слѣдовало по задачѣ; перемѣна направленія съ NO на NW; ошалѣлость людей во время атаки и, выражаясь мягко, малодушіе подполковника Кременецкаго.

По поводу послѣдняго обстоятельства, т. е. состоянія духа Кременецкаго и той кучки офицеровъ, которые съ нимъ были (исключая подполковника 10 стрѣл. полка со знакомъ отличія) могу сказать еще слѣдующее.

Въ концѣ апрѣля 1906 года, меня увидѣлъ въ Харбинѣ одинъ крупный начальникъ генералъ К. Въ разговорѣ онъ мнѣ сказалъ: „а мнѣ разсказывалъ одинъ солдатъ моей части, какъ вамъ трудно пришлось, и когда вы увидѣли, что ничего не выходитъ, то сказали: „ну чертъ съ вами, сдавайтесь, если хотите въ плѣнъ, а я не желаю“. Потомъ генералъ добавилъ: „если вамъ потребуется, напишите я вамъ дамъ фамилію этого солдата“. Фамилію генерала я не называю по понятной причинѣ, но

если меня спроситъ начальство официально, то назову. Конечно, мои слова солдатъ передалъ по своему: „Чертъ съ вами“ я не говорилъ, а выразился такъ, какъ это мною было приведено выше.

Въ общемъ же, если отрядъ погибъ, то при той задачѣ, какая на него выпала, т. е. послѣдній арріергардъ, прикрывавшій отходъ всей арміи, при полномъ отсутствіи оріентировки, это совершенно было въ порядкѣ вещей и, повторяю, нужно было дружное непреодолимое усиліе пробиться, чтобы разсчитывать на удачу. 1-го марта 1905 года мнѣ казалось, что пробиться было возможно, но теперь, близко ознакомившись съ мукденскимъ сраженіемъ и расположеніемъ сторонъ въ ночь съ 25 на 26 февраля, я вижу, что на удачу было мало надежды, лучшимъ доказательствомъ чему служитъ то, что и другая колонна полковника Максимовскаго пробиться не могла, и что 10 стр. полкъ, оторвавшійся отъ 5, тоже погибъ.

Теперь спрашивается, что сдѣлалось съ генераломъ Соллогубомъ.

Отправившись изъ отряда около 1 часу дня на бугоръ 28, генералъ Соллогубъ, по разсказу старшаго адъютанта управленія 3 Сибирской стрѣлковой бригады капитана Щербовичъ-Вечоръ, былъ потребованъ къ ген. Лауницу, причемъ это приказаніе передалъ сотникъ Дмитріевъ (кажется Амур-

скаго полка). Прибывъ на сѣверную опушку рощи, генералъ Соллогубъ тамъ не нашелъ генерала Лауница, вернулся къ отряду, но былъ встрѣченъ огнемъ. Послѣ этого онъ оказался въ деревнѣ Вазые. Тутъ была большая толпа. Случайно толпа отдѣлила капитана Щербовичъ-Вечоръ отъ генерала Соллогуба, а потомъ отдѣлила и поручика Бабятинскаго (10 стрѣлк. полка, бывшаго ординарца при генералѣ) отъ него же. Генералъ остался одинъ. Далѣе мнѣ ничего неизвѣстно. Капитанъ же Щербовичъ-Вечоръ и поручикъ Бабятинскій по одиночкѣ пробрались къ сѣверу вдоль желѣзной дороги.

Въ печати я гдѣ-то читалъ удивленіе, какъ отрядъ могъ потерять своего начальника. Какъ видно отрядъ тутъ рѣшительно ни при чемъ и своего начальника, если и потерялъ, то не по своей винѣ. Желательно получить освѣщеніе этого эпизода. Во всякомъ случаѣ очень жаль, что отрядъ такъ несвоевременно лишился генерала Соллогуба. Этотъ генералъ до минуты своего отъѣзда изъ Лодяфынь выказывалъ энергію и хладнокровіе, и былъ бы очень полезенъ, главное вслѣдствіе авторитетности своего чина въ глазахъ такой разношерстной толпы, которую представлялъ изъ себя отрядъ.

Въ заключеніе скажу еще нѣсколько

словъ, почему я такъ поздно отвѣчаю на брошюрку Кременецкаго и К-о.

Въ іюнѣ этого года я былъ на спеціальной полевой поѣздкѣ. Вернувшись въ концѣ іюня, я въ „Развѣдчикѣ“ прочиталъ объявленіе „Гибель 5 стрѣлк. полка и т. д.“ Немедленно выписалъ отъ Березовскаго по телеграфу. Получилъ 13 іюля и до 18 іюля писалъ этотъ отвѣтъ въ свободное отъ службы время, но тутъ насталъ общій лагерный сборъ съ 20 іюля, пріѣздъ новаго начальника дивизіи и связанная съ этимъ обычная работа, подвижной сборъ, корпусная поѣздка. Всѣ эти работы я закончилъ 9 сентября. Прибывъ изъ поѣздки, я засталъ въ штабѣ ту массу работы, которая обыкновенно бываетъ осенью, и только теперь я могу съ удовольствіемъ опубликовать мой отвѣтъ 11 участникамъ, хотя повторяю, что если бы я не былъ вызванъ, то публично не сталъ бы дѣлиться впечатлѣніями, въ которыхъ мнѣ такъ много приходится говорить о себѣ противъ моей воли.

Въ рапортѣ 1 марта 1905 года № 45 на имя генералъ-квартирмейстера я не доносилъ ничего, какъ я добрался до главной квартиры, отмѣтивъ этотъ эпизодъ только слѣдующими словами: „мы помчались къ востоку, встрѣчая удивленные взгляды китайцевъ, попадаясь разъѣздамъ, которые за нами гнались и т. д., съ разнообразными

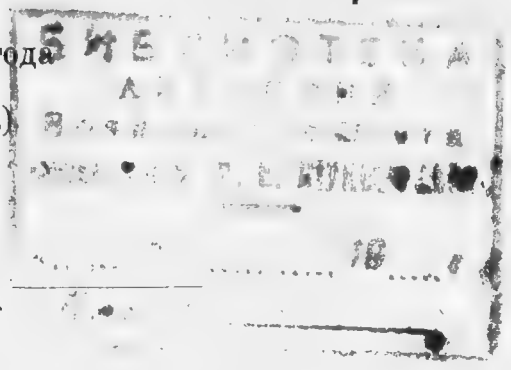
приключеніями, *которыя отношенія къ дѣлу не имѣютъ*. Я не желалъ много говорить о себѣ и выдержалъ бы характеръ, если бы не появившаяся въ печати брошюра 11 участниковъ.

Въ заключеніе, еще разъ повторяю, что самое искреннее мое желаніе было бы указать 11 участникамъ истину путемъ розыска всѣхъ оставшихся въ живыхъ свидѣтелей послѣднихъ минутъ жизни 5 стрѣлковаго полка и допросить ихъ, подробно, объективно и подъ присягой.

Въ виду же того, что обѣ стороны, т. е. 1) я и 2) компанія, поѣхавшая въ плѣнъ въ Японію, высказали достаточно полно свой взглядъ на эпизодъ съ 5 стрѣлк. полкомъ утромъ 26 февраля 1905 г., дальнѣйшую литературу по этому поводу считаю безполезнымъ пережевываніемъ сказаннаго, т. е. занятіемъ даромъ отнимающимъ время, а потому ставлю по этому вопросу въ литературѣ точку.

Полковникъ Циховичъ.

20 октября 1907 года
Пос. Песчанка
(близъ гор. Читы.)



Раіонъ дѣйствій 5-го стрѣлковаго полка во время Мукденскаго боя 1905 года.

(Приложеніе къ брошюрѣ «Какъ погибъ 5-й стрѣлковый полкъ подъ Мукденомъ»).

Фендьятыр
Сяофа
ундянъ
нлунденъ
Уанх
Тапеутунь
тунь
Люгуниитунь
Хедичунъ
Чинтаиза
Людіаза
2